Выжить, чтобы умереть

Автор:
Тесс Герритсен

Выжить, чтобы умереть

Тесс Герритсен

Джейн Риццоли и Маура Айлз #10Звезды мирового детектива

Детектив бостонской полиции Джейн Риццоли расследует жестокое убийство семьи бывшего банкира. Чудом удалось избежать смерти только приемышу, четырнадцатилетнему сироте Тедди. Мальчик получил сильную эмоциональную травму, ведь всего два года назад его родные были застрелены на своей яхте. Риццоли решает, что лучшим убежищем для него будет школа-интернат «Вечерня», где живут и учатся дети, пострадавшие от насильственных преступлений. Незадолго до приезда Тедди школа принимает еще двоих подростков, и, по странному и жуткому совпадению, они тоже дважды осиротели и дважды выжили во время массового убийства. Над ними словно нависла тень насилия… Но так ли безопасно место, в котором сейчас находятся эти дети? Сомнения Риццоли подкрепляются страшными находками, и вместе со своей подругой и коллегой, патологоанатомом Маурой Айлз она вступает в схватку с изощренным убийцей.

Тесс Герритсен

Выжить, чтобы умереть

Tess Gerritsen

LAST TO DIE

Copyright © 2012 by Tess Gerritsen

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с английского Ольги Лютовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Иллюстрация на обложке Екатерины Бороздиной

© О. И. Лютова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

В память о моей маме,

Руби Цзюйчун Том

Мы называли его Икаром.

Разумеется, на самом деле его звали по-другому. Из своего детства, проведенного на ферме, я вынес, что никогда нельзя давать имя животному, выбранному на убой. Вместо этого ты называешь его Свинья номер один или Свинья номер два и стараешься никогда не смотреть ему в глаза, чтобы даже мельком не заметить в них осознанности, индивидуальности или привязанности. Если скотина доверяет тебе, придется долго набираться смелости, чтобы перерезать ей горло.

С Икаром все было совсем по-другому: он вовсе не испытывал к нам доверия и вообще не подозревал о том, кто мы. Зато мы знали о нем очень многое. Нам было известно, что он живет на окраине Рима, в вилле на вершине холма, огородившись высоким забором. Что у него и его жены Лусии двое сыновей – восьми и десяти лет. Что, несмотря на несметное богатство, Икар предпочитает простую еду и местный ресторанчик «Ла Нонна»[1 - La nonna – бабушка (ит.).], где обедает почти каждую неделю по четвергам.

А еще – что он чудовище. Именно по этой причине мы и приехали в Италию тем летом.

Охота на чудовищ – не для слабонервных. И не для тех, кого сдерживают банальные теории вроде права и государственных границ. В конце концов, чудовища никогда не играют по правилам, значит и нам это непозволительно. Конечно, если мы надеемся одержать верх.

Однако, отказываясь от общепринятых норм поведения, ты сам рискуешь превратиться в чудовище. Именно так и случилось тем летом в Риме. Только тогда я этого не понял, никто из нас этого не понял.

А потом было уже поздно.

1

В ту самую ночь, когда тринадцатилетняя Клэр Уорд из Итаки должна была бы умереть, она стояла на оконном карнизе своей спальни на третьем этаже и пыталась решить, стоит ли прыгать. Внизу, примерно в двадцати футах, росли

давно отцветшие лохматые кусты форсайтии. Они смягчат падение, однако переломов костей, скорее всего, не избежать. Клэр перевела взгляд чуть дальше, на клен, на прочную ветвь, изгибавшуюся дугой всего в паре футов от нее. Такой прыжок Клэр еще ни разу не совершала – просто не было острой необходимости. До нынешнего вечера ей удавалось выскальзывать из входной двери так, что никто не замечал. Однако времена легких побегов закончились, потому что теперь за ней следит Нудный Боб. «С этого момента, юная леди, – заявил он, – вы остаетесь дома! Нечего бежать по темному городу, словно дикая кошка».

«Если в этом прыжке я сломаю себе шею, – решила Клэр, – виноват будет Боб».

Да, ветка клена и впрямь недалеко от нее. Клэр есть куда пойти, с кем встретиться, и она не может до бесконечности торчать здесь, взвешивая свои возможности.

Девочка пригнулась, изготавливаясь к прыжку, и внезапно замерла – из-за угла, сверкая фарами, выехала машина. Словно черная акула, внедорожник скользнул у нее под окном и медленно проехал по тихой улице, будто разыскивая нужный дом. Не наш, решила Клэр, – в обиталище ее приемных родителей, Нудного Боба и такой же нудной Барбары Бакли, никогда не появлялось интересных посетителей. У них даже имена были скучными, что уж говорить о беседах за ужином. «Как прошел твой день, дорогой?» – «А твой?» – «Погода улучшается, верно?» – «Не передашь мне картошку?»

В их заумном педантичном мире Клэр была чужой – ребенком, которого они не понимали, несмотря на все старания. А Боб и Барбара очень старались. Клэр должна была бы жить у художников, актеров или музыкантов, у тех, кто не спал по ночам и умел веселиться. У таких же, как она сама.

Черная машина исчезла. Теперь – или никогда.

Клэр сделала глубокий вдох и прыгнула. Летя во тьме, она чувствовала, как ночной ветер свистит в ее длинных волосах. Клэр перемахнула на клен грациозно, словно кошка, и ветка вздрогнула под ее весом. Проще простого. Девочка перебралась чуть пониже, к следующей ветке, и уже собралась было прыгнуть, как перед ней опять возник внедорожник. Урча двигателем, автомобиль снова проскользнул мимо. Девочка наблюдала за ним, пока

внедорожник не исчез за углом, а затем соскочила на влажную траву.

Клэр оглянулась на дом, ожидая, что сейчас из передней двери вылетит Боб и примется орать: «Немедленно вернитесь домой, юная леди!» Однако фонарь на крыльце так и не включился.

Можно начать ночные похождения.

Девочка застегнула молнию на своей фуфайке с капюшоном и направилась в торговый район города, в самую гущу событий, если это, конечно, можно так назвать. В нынешний поздний час улица была тихой, а большинство окон – темными. Здесь повсюду стояли почти пряничные домики, идеальные, словно с картинки; эту улицу населяли профессора колледжей и безглютеновые мамаши-веганки, все как одна состоящие в книжных группах[2 - Книжные группы – группы людей, собирающиеся чаще всего в библиотеках или книжных магазинах и обсуждающие прочитанные книги. Такой тип общения очень распространен в США. – Здесь и далее примеч. перев.]. «Десять квадратных миль, окруженных суровой действительностью», – ласково описывал Боб свой город, однако и он, и Барбара чувствовали себя здесь прекрасно.

А где чувствовала себя прекрасно Клэр, она не знала.

Широко шагая и разбрасывая изношенными сапогами сухую листву, девочка перешла улицу. Через квартал от нее в озерце фонарного света курили трое подростков – два парня и девчонка.

– Привет! – крикнула им Клэр.

Тот парень, что повыше, помахал ей рукой.

– Привет, Клэр Эклер. Я слышал, тебя снова засадили в четыре стены.

– Секунд на тридцать примерно. – Девочка взяла прикуренную сигарету, которую подал ей парень, глубоко затянулась и радостно выпустила дым. – И какие же у нас планы на сегодня? Что будем делать?

– Я слышал, будет вечеринка, там, у водопадов. Но нам придется найти машину.

– А как же твоя сестра? Она могла бы нас довезти.

– Не, ключи от ее машины забрал папа. Давайте потусуемся здесь – вдруг еще кто объявится. – Парень умолк и, нахмурившись, взглянул через плечо Клэр. – Ой-ой. Погляди, кто прибыл.

Девочка обернулась и раздраженно застонала – прямо возле нее у тротуара притормозил темно-синий «сааб». Пассажирское окошко опустилось, и Барбара Бакли скомандовала:

– Клэр, полезай в машину.

– Но я просто тусуюсь с друзьями.

– Сейчас почти полночь, а завтра нужно идти в школу.

– Но ведь я не делаю ничего противозаконного.

– Немедленно полезайте в машину, юная леди! – повелел Боб Бакли с водительского сиденья.

– Вы мне не родители.

– Но мы несем за тебя ответственность. Наша задача – правильно воспитать тебя, именно это мы и пытаемся сделать. Если ты немедленно не отправишься с нами домой, ты… ты пожалеешь!

«Ага, так страшно, я вся трясусь», – подумала Клэр. Она хотела было рассмеяться, но вдруг заметила, что Барбара в халате, а Боб не причесан – волосы на одной половине его головы были взлохмачены. Супруги так торопились за ней, что даже не успели одеться. Оба выглядели куда старше и изнуренней, чем обычно; взъерошенная парочка среднего возраста – из-за Клэр им пришлось подняться с постели, и завтра они проснутся без сил.

– Я понимаю, что мы тебе не родители, Клэр, – устало вздохнула Барбара. – Понимаю, что тебе очень не нравится жить у нас, но мы стараемся делать все, что можем. Поэтому, пожалуйста, сядь в машину. Здесь небезопасно.

Клэр с раздражением глянула на друзей, забралась на заднее сиденье «сааба» и хлопнула дверцей.

– Всё? – спросила она. – Довольны?

Боб обернулся к девочке.

– Да дело-то не в нас. Дело в тебе. Мы поклялись твоим родителям, что всегда будем присматривать за тобой. Если бы Изабель была жива, она страшно расстроилась бы, увидев тебя сейчас. Вот такую – неуправляемую и все время злую. Клэр, тебе представился второй шанс, и это настоящий подарок. Не бросайся им, пожалуйста. – Боб вздохнул. – А теперь пристегнись, хорошо?

Если бы он злился, если бы орал на нее, Клэр было бы проще. Но Боб смотрел на девочку так печально, что она почувствовала себя виноватой. За то, что вела себя как стерва, что бунтовала в ответ на добро. Ведь семейство Бакли не виновато в гибели ее родителей. И в том, что жизнь ее пошла кувырком, – тоже.

Они отъехали. Клэр обхватила себя руками – девочка раскаивалась, но была слишком горда, чтобы попросить прощения. «Завтра я буду с ними нежнее, – решила она. – Помогу Барбаре накрыть на стол, а может быть, даже помою Бобу машину. Потому что, черт возьми, его тачке это не помешает».

– Боб, – спросила Барбара, – а что там делает эта машина?

Зарычал двигатель. Светящиеся фары с грохотом уткнулись прямо в них.

– Боб! – завизжала Барбара.

От удара ремень безопасности больно врезался в грудь Клэр, и ночь взорвали жуткие звуки. Бьющееся стекло. Сминаемый металл. И чей-то плач, хныканье. Открыв глаза, Клэр увидела, что мир перевернулся, и поняла: хнычет она сама.

– Барбара! – шепотом позвала девочка.

Она услышала приглушенный хлопок, затем еще один. Почувствовала запах бензина. Ее удерживал ремень безопасности и так сильно врезался ей в ребра, что Клэр с трудом дышала. Девочка нащупала замок. Ремень, щелкнув, расстегнулся, и она сильно ударилась головой – боль стрельнула в шею. Клэр чудом удалось вывернуться и оказаться в положении лежа – так она видела разбитое окно. Запах бензина усилился. Девочка изогнулась, чтобы добраться до окна; она представляла себе страшный жар и плоть, запекшуюся у нее на костях. «Вылезай, вылезай же! – скомандовала она себе. – У тебя еще есть время спасти Боба и Барбару!» Клэр ударила кулаком по оставшимся истрескавшимся фрагментам стекла, и они рассыпались по мостовой.

В поле зрения Клэр возникли две ступни – ноги остановились напротив девочки. Она пристально вгляделась в мужчину, перегородившего ей выход. Но лица не увидела – только силуэт. И пистолет.

С ревом и визгом шин на них помчалась другая машина.

Клэр рывком спряталась в «сааб», вернувшись в безопасное место, словно черепаха, укрывающаяся в своем панцире. Отстранившись от окна, девочка накрыла голову руками и стала ждать: отзовется ли выстрел болью на этот раз? Почувствует ли она, как пуля разорвется в ее черепе? Девочка так плотно свернулась калачиком, что слышала лишь собственное дыхание, шум собственного пульса.

Она не сразу разобрала, что кто-то зовет ее по имени.

– Клэр Уорд? – Голос был женским.

«Наверное, я умерла, – решила девочка. – И со мной говорит ангел».

– Он ушел. Теперь ты спокойно можешь выйти наружу, – сообщил ангел. – Но тебе нужно поторопиться.

Клэр открыла глаза и сквозь пальцы посмотрела на лицо, показавшееся в проеме разбитого окна; женщина глядела на нее вполоборота. Тонкая рука потянулась к девочке, но та отстранилась.

– Он вернется, – заверила женщина, – надо поторапливаться.

Клэр ухватилась за протянутую руку, и незнакомка вытащила девочку наружу. Когда Клэр оказалась на мостовой, разбитое стекло зазвенело под ней, словно ливень, бьющий в окно. Девочка слишком резко села, и ночной пейзаж поплыл вокруг. Она лишь успела ухватить взглядом неясные очертания перевернутого «сааба» и снова опустила голову.

– Встать можешь?

Клэр медленно подняла взгляд. Женщина была одета во все черное. Волосы, светлые и настолько блестящие, что в них отражался слабый свет фонаря, были собраны в хвост.

– Кто вы? – прошептала девочка.

– Как меня зовут, не имеет значения.

– Боб… Барбара… – Клэр взглянула на перевернутый «сааб». – Мы должны вытащить их из машины! Помогите мне!

Девочка подползла к водительской дверце и резко распахнула ее.

На мостовую вывалился Боб Бакли, его широко распахнутые глаза ничего не выражали. Клэр посмотрела на оставленное пулей отверстие в его виске.

– Боб, – простонала она. – Боб!

– Ему уже нельзя помочь.

– Барбара… А как же Барбара?

– Слишком поздно. – Женщина ухватила Клэр за плечи и с силой встряхнула. – Они погибли, понимаешь? Они оба погибли.

Клэр покачала головой, не отрывая глаз от Боба. От лужи крови, которая, словно темный нимб, расплывалась вокруг его головы.

– Этого не может быть, – прошептала девочка. – Это не могло повториться.

– Пойдем, Клэр. – Незнакомка схватила ее за руку и помогла подняться на ноги. – Пойдем со мной. Если, конечно, хочешь остаться в живых.

2

В ту ночь, когда Уилл Яблонски должен был бы умереть, он стоял в темноте на одном из полей Нью-Гемпшира и искал пришельцев.

Для своей «охоты» мальчик собрал все необходимое оборудование. Например, десятидюймовый добсоновский телескоп, зеркало которого он собственноручно отшлифовал три года назад, когда ему было всего-навсего одиннадцать лет. Это заняло у Уилла два месяца: начав с грубой наждачной бумаги зернистостью 80, он продолжал придавать форму стеклу и полировать его все более и более мелким наждаком. С папиной помощью он соорудил свою собственную альт-азимутальную монтировку. Двадцатипятимиллиметровый окуляр Плёссла был подарком дяди Брайана, он же помогал Уиллу вытаскивать все это оборудование в поле после ужина, в те дни, когда небо было ясным. Однако дядя Брайан был жаворонком, а не совой, вот почему к десяти вечера он заканчивал все дела и ложился спать.

Поэтому тем вечером, как и почти каждую безлунную ночь, когда небо не закрывали облака, Уилл стоял один на поле, расположенном позади фермерского дома его тети и дяди, и пытался отыскать вверху косматых пришельцев, которых иначе называют кометами. Если мальчик когда-нибудь обнаружит новое небесное тело, он будет точно знать, как его назвать. Комета Нила Яблонски, в честь погибшего отца. Астрономы-любители постоянно открывают новые кометы, почему бы четырнадцатилетнему подростку не сделать то же самое? Папа как-то сказал ему, что для этого необходимы лишь упорство и натренированный глаз, а еще – большая удача. «Это похоже на поиски сокровищ, Уилл, – говорил папа. – Вселенная напоминает пляж, а звезды – словно песчинки, скрывающие за собой то, что ты ищешь».

Охота за сокровищами не надоедала Уиллу. Мальчик с неизбывным восторгом ожидал момента, когда они с дядей Брайаном вытащат оборудование и установят его под темнеющим небом; каждый раз он предвкушал, что эта ночь та самая, именно сегодня он обнаружит Комету Нила Яблонски. И тогда все его старания оправдаются, а бесчисленные ночные бдения принесут плоды – бдения, во время которых он подкреплял силы горячим шоколадом и сладкими батончиками. Тогда незряшными покажутся даже оскорбления, нанесенные бывшими одноклассниками из Мэриленда: «Толстяк! Зефирный Стэй Пафт!»[3 - Стэй Пафт – персонаж комиксов и мультсериала «Охотники за привидениями», огромный злодей-морячок, сделанный из зефира.]

Охота за кометами – не то увлечение, которое сделает человека загорелым и подтянутым.

Сегодня, как всегда, Уилл начал поиски вскоре после наступления сумерек, потому что кометы особенно хорошо видны сразу после заката или перед восходом солнца. Дневное светило зашло уже несколько часов назад, однако косматых шариков мальчик так и не приметил. Он увидел несколько прошедших над его головой спутников и один метеор, вспыхнувший на долю секунды, но больше ничего необычного в этом участке неба не появилось. Уилл направил телескоп на другой участок, и тут же в поле его зрения появилась самая нижняя звезда Canes Venatici – созвездия Гончих Псов. Мальчик вспомнил ту ночь, когда отец впервые сказал ему, как оно называется. Ту самую холодную ночь, когда они не ложились до рассвета, попивали напитки из термоса и ели…

Внезапно Уилл дернулся и, обернувшись, посмотрел назад. Что за шум? Какое-то животное – или это просто ветер шелестит в ветвях деревьев? Он замер, прислушиваясь, однако ночь стала какой-то неестественно тихой, такой тихой, что громким казалось даже его собственное дыхание. Дядя Брайан утверждал, что в здешнем лесу нет ничего опасного, но сейчас, во тьме, оставшемуся в одиночестве Уиллу на ум пришла целая куча зубастых чудовищ. Черные медведи. Волки. Пумы.

Мальчик с тревогой повернулся к своему телескопу и немного изменил поле зрения. И вдруг в окуляре возник косматый шарик. «Я нашел ее! – обрадовался Уилл. – Нашел комету Нила Яблонски!»

Нет. «Нет, дурачок, – мысленно обратился к себе мальчик, – это не комета». Поняв, что он смотрит на шаровое скопление М3, Уилл разочарованно вздохнул. Любой нормальный астроном сразу узнал бы это скопление звезд. Слава богу, он не бросился будить дядю Брайана, чтобы показать ему находку, – вот было бы неудобно!

Треск ветки снова заставил его обернуться. В лесу какое-то шевеление. Там определенно что-то есть.

Взрыв отбросил его вперед. Мальчик ничком упал на устланную дерном землю и некоторое время лежал, оглушенный ударом. Мигнул какой-то свет, затем стал ярче; Уилл поднял голову и увидел, что лесная чаща озарилась мерцающим оранжевым сиянием. Мальчик ощутил жар на своей шее, словно на него дыхнуло какое-то чудище. И обернулся.

Фермерский домик был объят огнем, языки пламени взметнулись вверх, словно пальцы, скребущие по небесам.

– Дядя Брайан! – заорал Уилл. – Тетя Линн!

Мальчик помчался к дому, но путь преградила огненная стена, и жар заставил Уилла отступить – жар такой силы, что у мальчика пересохло в горле. Отшатнувшись, Уилл споткнулся и, задыхаясь, ощутил запах собственных опаленных волос.

«Позови на помощь! – велел себе мальчик. – Позови соседей!» Уилл повернулся к дороге, но, пробежав всего несколько шагов, остановился.

Ему навстречу шла женщина. Незнакомка, одетая во все черное, поджарая, как пантера. Ее светлые волосы были убраны в хвост; свет мигающего фонарика добавлял остроты чертам ее лица.

– Помогите! – закричал Уилл. – Мои тетя и дядя… Они в том доме!

Незнакомка взглянула на здание, почти полностью поглощенное огнем.

– Прости. Но уже поздно.

– Нет, еще не поздно. Мы должны спасти их!

Женщина грустно покачала головой:

– Я не в силах помочь им, Уилл. Зато тебе я помогу. Я могу спасти тебя. – Она протянула мальчику руку. – Пойдем со мной. Если, конечно, хочешь жить.

3

Некоторых девчонок очень украшает розовый цвет, и они, нацепив кружева и банты, шуршат себе шелковой органзой и при этом выглядят очаровательными и женственными.

Джейн Риццоли не относилась к их числу.

Она стояла в комнате мамы, пристально разглядывая в зеркале собственное отражение в полный рост, и думала: «Пристрелите меня! Пристрелите немедленно!» Платье-колокол цвета ярко-розовой жвачки, с вырезом, отделанным широченной оборкой, которая по размеру вряд ли уступала клоунскому воротнику. Пышная юбка из бесконечных рядов нелепых оборок. Пояс вокруг талии, завязанный огромным бантом. Даже Скарлетт О’Хара ужаснулась бы.

– О, Джени, смотри-ка! – воскликнула Анжела Риццоли, радостно хлопнув в ладоши. – Ты так красива, что теперь произведешь даже бо?льший фурор, чем я. Ты ведь в восторге, верно?

Джейн сощурилась – она была настолько потрясена, что не могла произнести ни слова.

– Конечно же, тебе придется надеть туфли на высоком каблуке, чтобы получился комплект. Думаю, подойдут атласные шпильки. А еще нужен букет из розовых роз с гипсофилой. Или это уже не модно? Как думаешь, с каллами или чем-то в этом роде я буду выглядеть более современно?

– Мам…

– Мне придется немного ушить талию. Как так получилось, что ты похудела? Плохо питаешься?

– Ты серьезно? Неужели ты действительно хочешь, чтобы я надела это платье?

– А в чем дело?

– Оно же… розовое.

– И ты в нем прекрасно выглядишь.

– Ты когда-нибудь видела меня в розовом?

– Я шью точно такое же маленькое платьице для Реджины. Вы будете просто прелестны! Мама и дочка в одинаковых платьях.

– Реджина прелестна, а вот я – нет.

У Анжелы начала подрагивать губа. Знак не менее зловещий, чем первое трепетание на сигнальном табло ядерного реактора.

– Я все выходные трудилась над этим платьем. Собственными руками делала каждый стежок, пришивала каждую оборочку. А ты не хочешь его надевать даже на мою свадьбу!

Джейн нервно сглотнула.

– Я этого не говорила. Вернее, имела в виду не совсем это.

– Ну я же вижу по твоему лицу! Оно тебе совершенно не нравится.

– Нет, мам, это великолепное платье, – возразила Риццоли, а про себя добавила: «Для какой-нибудь чертовой Барби – возможно».

Опустившись на кровать, Анжела испустила вздох, достойный умирающей героини.

– Знаешь, возможно, нам с Винсом нужно было просто сбежать. Это всех обрадовало бы, правда? Тогда мне не пришлось бы сражаться с Фрэнки. Не пришлось бы волноваться, кого включили, а кого не включили в список приглашенных. А тебе не пришлось бы надевать это ненавистное платье.

Джейн уселась на кровать рядом с мамой, и органза раздулась у нее на коленях, словно огромный шар сахарной ваты. Риццоли примяла ее кулаком.

– Мам, ты даже толком не развелась. Свадьбу можно планировать сколько угодно. Тебе не кажется, что в этом есть своя прелесть? Никуда не нужно торопиться.

Услышав звонок в дверь, Джейн подняла глаза.

– Винс не хочет ждать. Знаешь, что он мне сказал? Говорит, хочу заявить свои права на невесту. Разве не прелесть, а? Я чувствую себя как в той песне Мадонны. Словно я снова девственница.

Джейн даже подскочила.

– Пойду открою дверь.

– Нам нужно было просто взять и пожениться в Майами! – крикнула Анжела в спину дочери. – Это было бы куда проще. Да и дешевле, потому что не пришлось бы кормить всех родственников!

Джейн открыла дверь. На пороге стояли двое мужчин, которых ей совсем не хотелось бы видеть этим воскресным утром.

– Это еще что за уродское платье? – усмехнулся ее брат Фрэнки, заходя в дом.

Вслед за ним вошел отец Риццоли, Фрэнк-старший, и объявил:

– Я пришел поговорить с твоей матерью.

– Пап, сейчас не лучший момент, – возразила Джейн.

– Я пришел. Значит, момент подходящий. Где она? – спросил Фрэнк, оглядывая гостиную.

– Не думаю, что мама захочет говорить с тобой.

– Ей придется это сделать. Пора положить конец безумию.

– Безумию? – возмутилась Анжела, выходя из своей комнаты. – Это кто тут толкует о безумии?

– Фрэнки говорит, ты действительно занимаешься этим, – ответил отец Джейн. – Ты правда собралась выйти за того человека?

– Винс предложил. Я согласилась.

– А как же тот факт, что мы все еще женаты?

– Это всего лишь бумажная волокита.

– Но я не подпишу документы.

– Что?

– Я сказал, что не подпишу бумаги. И ты не выйдешь замуж за этого типа.

Анжела потрясенно усмехнулась:

– Но ведь это же ты ушел от меня.

– Я не знал, что ты изменишься и соберешься замуж!

– А что я должна была делать – сидеть и тосковать из-за того, что ты ушел от меня к ней? Я еще молода, Фрэнк. И нравлюсь мужчинам. Они хотят спать со

мной!

– Боже мой, мама! – простонал Фрэнки.

– И знаешь что? – не унималась Анжела. – У меня никогда не было такого хорошего секса!

Джейн услышала, что в маминой комнате зазвонил ее телефон. Не обратив на него внимания, Риццоли схватила отца за руку:

– Папа, думаю, тебе лучше уйти. Пойдем, я провожу тебя.

– Я очень рада, что ты ушел от меня, Фрэнк, – продолжала Анжела. – Я снова начала жить и узнала, что значит быть желанной.

– Ты моя жена. И все еще принадлежишь мне.

Мобильный Джейн, ненадолго умолкнув, снова начал настойчиво звонить: не обращать внимания было невозможно.

– Фрэнки, – взмолилась она, – помоги мне, ради всего святого! Уведи его из дома.

– Пойдем, пап, – сказал Фрэнки, хлопнув отца по спине. – Пойдем выпьем пивка.

– Я еще не закончил.

– Закончил, закончил, – возразила Анжела.

Джейн помчалась в мамину комнату и выудила из сумочки свой разрывающийся мобильный.

– Риццоли, – сказала она, стараясь не обращать внимания на ругань в коридоре.

– Ты нам нужна, – объявил детектив Даррен Кроу. – Когда ты сможешь приехать?

Никаких тебе вежливых преамбул, никаких «пожалуйста» и «не могла бы ты?» – Кроу был, как обычно, очень мил.

– Я сегодня не на вызовах, – не менее грубо ответила Джейн.

– Маркетт собрал три команды. Дело веду я. Фрост только что прибыл, но нам понадобится женщина.

– Я не ослышалась? Ты действительно сказал, что тебе нужна помощь женщины?

– Послушай, свидетель настолько потрясен, что почти ничего не говорит. Мур уже пытался беседовать с парнишкой, но считает, что тебе повезет гораздо больше.

«Парнишка». От этого слова Джейн замерла.

– Ваш свидетель – ребенок?

– На вид лет тринадцать-четырнадцать. Он один выжил.

– А что случилось?

В трубке были слышны чьи-то отдаленные голоса, до Джейн донеслись отрывистый диалог специалистов, работавших на месте происшествия, и эхо многочисленных шагов, отражавшееся от пола с твердым покрытием. Она прекрасно представляла себе, как Кроу со своей голливудской стрижкой важно расхаживает посреди всей этой суеты, выпятив грудь и расправив плечи.

– Да тут долбаная кровавая баня, – сообщил он. – Пятеро убитых, из них трое детей. Младшей девочке едва ли восемь лет исполнилось.

«Я не хочу это видеть, – подумала Джейн. – Особенно сегодня. Да и в любой другой день».

– А где вы? – заставила она себя выговорить.

– Дом находится на Луисбург-сквер. Тут до черта новостных фургонов, так что тебе придется припарковаться в квартале-другом отсюда.

Джейн удивленно моргнула:

– Это произошло на Бикон-Хилле?

– Да, богатых иногда тоже грохают.

– А кто погибшие?

– Бернард и Сесилия Акерман, пятьдесят и сорок восемь лет. И три их приемные дочери.

– А выживший мальчик? Тоже их сын?

– Нет. Его зовут Тедди Клок. Он несколько лет жил у Акерманов.

– Жил у них? Он что, родственник?

– Нет, – ответил Кроу. – Они взяли парня на воспитание.

4

Оказавшись на Луисбург-сквер, Джейн заметила среди группы машин Управления полиции Бостона знакомый черный «лексус» и сразу же поняла, что судмедэксперт Маура Айлз уже на месте происшествия. Судя по количеству новостных фургонов, все бостонские телевизионщики собрались здесь. Ничего удивительного – даже лучшие районы города вряд ли были под стать этой площади, с ее потрясающим сквером, настоящей жемчужиной, и роскошными деревьями, увенчанными пышными кронами. Особняки в неогреческом стиле, обступающие парк, населяли потомственные и новые богачи, в них хозяйничали магнаты – владельцы корпораций, бостонские аристократы и бывший сенатор. Но даже в этот район порой наведывалось насилие. «Богатых тоже иногда

грохают», как сказал детектив Кроу, однако, когда такое происходит с толстосумами, на это все обращают внимание. За лентой полицейского оцепления, в толпе, зеваки пихали друг друга, пытаясь отвоевать лучшие места. На Бикон-Хилл часто приводят туристические группы, и сегодня эти туристы наверняка оправдают свои затраты по полной программе.

– Эй, смотри! Это же детектив Риццоли.

Джейн заметила, что к ней направляются телекорреспондентка и оператор, и подняла руку, желая показать: никаких вопросов. Они, конечно же, не обратили на это никакого внимания и последовали за Джейн на другую сторону площади.

– Детектив, мы слышали, что остался свидетель!

– Полиция. Дайте пройти, – бормотала Джейн, пробираясь сквозь толпу.

– Верно ли, что охранная система была включена? И ничего не украли?

Чертовы корреспонденты знают больше ее. Риццоли нырнула под ленту, ограждавшую место преступления, и назвала патрульному, что стоял на посту, номер своего отдела. Так полагалось по протоколу, хотя полицейский прекрасно знал Джейн и даже успел отметить ее имя на своем планшете.

– Надо было видеть, как эта девица гонялась за детективом Фростом, – усмехнувшись, сказал патрульный. – Он походил на испуганного кролика.

– Фрост в доме?

– Как и лейтенант Маркетт. Вот-вот приедет комиссар, и я не удивлюсь, если здесь появится мэр собственной персоной.

Джейн оглядела внушительный четырехэтажный особняк из красного кирпича и пробормотала:

– Ничего себе!

– Полагаю, он стоит пятнадцать-двадцать миллионов.

«Стоил – до того, как сюда въехали призраки», – подумала Джейн, разглядывая красивые эркеры и богато украшенный фронтон над массивной парадной дверью. За этой самой дверью таятся кошмары, с которыми у Риццоли не было сил встречаться. Три мертвых ребенка. Вот в чем проклятие материнства – каждый погибший малыш носит лицо твоего собственного чада. Натягивая перчатки и бахилы, Джейн пыталась запастись и эмоциональной защитой. Как строитель, надевающий шлем, Джейн облачилась в свою собственную защитную форму и только после этого вошла в дом.

Она посмотрела вверх – на лестницу, взлетавшую на высоту четвертого этажа, к застекленному куполу, через который в здание золотым дождем проливался дневной свет. Эхо многочисленных голосов, по большей части мужских, доносилось с верхних этажей, усиливаясь в лестничном колодце. Из прихожей, даже вытянув шею, Джейн не смогла никого увидеть, только услышала голоса, напоминавшие бормотание призраков – обитателей дома, который за век своего существования служил приютом для многих душ.

– Беглое знакомство с жизнью другой половины населения, – произнес мужской голос.

Джейн обернулась и увидела детектива Кроу, стоявшего в дверном проеме.

– И ее смертью, – добавила она.

– Мы устроили мальчика у соседей. Тамошняя хозяйка любезно позволила ему побыть в ее доме. Ребенок знает эту женщину, и мы решили, что там ему будет удобнее отвечать на наши вопросы.

– Сначала мне нужно понять, что произошло в этом доме.

– Мы как раз пытаемся разобраться.

– А что, высшее начальство действительно появится здесь? Я слышала, сюда едет комиссар.

– Ты только посмотри на этот дом. С деньгами можно многого добиться, даже если ты уже умер.

– Откуда у этой семьи состояние?

– Бернард Акерман – бывший инвестиционный банкир. Владелец этого дома во втором поколении. Его семейство – большие филантропы. Назови любой благотворительный фонд, и он наверняка получал от них средства.

– Так как все это случилось?

– Может, просто устроим экскурсию? – Кроу, взмахнув рукой, указал на комнату, из которой пришел. – И ты расскажешь мне, что ты думаешь.

Не то чтобы мнение Джейн сильно волновало Даррена Кроу. Когда Риццоли только поступила в отдел убийств, они отчаянно конфликтовали, и презрение Кроу было очень заметно. Джейн до сих пор улавливала следы этого презрения в смехе коллеги, тоне его речи. Если когда-то ей и удавалось завоевывать уважение в его глазах, оно всегда было временным, и вот сейчас Риццоли представилась возможность в очередной раз утратить его.

Джейн последовала за Кроу через гостиную с двадцатифутовым потолком, витиевато украшенным херувимами, виноградными лозами и розетками из золотых листьев. Едва ли ей удалось бы полюбоваться этим потолком или картинами на стенах, потому что Кроу направился прямиком в библиотеку, где Джейн увидела лейтенанта Маркетта и доктора Мауру Айлз. В этот теплый июньский день Маура облачилась в блузу персикового цвета – весьма нехарактерный оттенок для человека, обычно отдающего предпочтение мрачным черным и серым тонам. Доктор Айлз, с ее геометрической прической и правильными чертами лица, выглядела женщиной, которая вполне могла бы жить в подобном особняке, окруженная живописью и персидскими коврами.

Они стояли среди книг, расставленных на полках красного дерева, которые занимали все стены – от пола до потолка. Некоторые тома вывалились на пол неподалеку от седовласого мужчины, который лежал тут же ничком; одна его рука, задранная вверх, прислонилась к шкафу, будто бы даже после смерти он тянулся за какой-то книгой. На погибшем были пижама и тапки. Пуля пробила кисть его руки и лоб, а на полке, прямо над телом, кожаные корешки книг забрызгала кровавая клякса. Убитый поднял руку, чтобы загородиться от пули, решила Джейн. Он видел ее. Знал, что сейчас умрет.

– Моя оценка времени смерти совпадает с тем, что сказал вам свидетель, – сообщила Маура Маркетту.

– Значит, ранним утром. После полуночи.

– Да.

Присев на корточки возле трупа, Джейн изучила входное отверстие.

– Девять миллиметров?

– Или, возможно, три пятьдесят семь, – сказала Маура.

– Ты не знаешь? У нас нет гильз?

– Во всем доме не нашли ни одной.

Джейн удивленно подняла глаза:

– Ух ты, какой аккуратный убийца! Убирает за собой.

– Аккуратный во многих отношениях, – заметила Маура, задумчиво глядя на покойного Бернарда Акермана. – Быстрое и верное убийство. Минимум беспорядка. Как и наверху.

Наверху, подумала Джейн. Дети.

– Все остальные члены семейства, – проговорила Риццоли куда более прозаичным тоном, чем позволяли ее эмоции, – умерли примерно в то же время, что и господин Акерман? Была ли некоторая отсрочка?

– Моя оценка весьма приблизительна. Для точного ответа нужна более детальная информация от свидетеля.

– Которую для нас раздобудет детектив Риццоли, – объявил Кроу.

– Откуда ты знаешь, что мне больше повезет с мальчиком? – удивилась Джейн. – Я ведь не умею творить чудеса.

– Мы рассчитываем на тебя, потому что нам не с чем работать. Всего несколько отпечатков пальцев на ручке двери. Никаких признаков насильственного вторжения. А охранная система была выключена.

– Выключена? – Джейн бросила взгляд на труп. – Похоже, господин Акерман сам впустил убийцу.

– А возможно, он просто забыл включить ее. Потом услышал шум и спустился вниз проверить, все ли в порядке.

– Ограбление? Что-нибудь пропало?

– Шкатулку с драгоценностями, принадлежавшую госпоже Акерман, похоже, никто не трогал, – сообщил Кроу. – Его бумажник и ее сумочка так и лежат в спальне на комоде с зеркалом.

– А вообще – ходил ли убийца в их спальню?

– О да. Он был там. Он заходил во все спальни.

Джейн уловила зловещую нотку в голосе Кроу. И поняла: наверху ее ждет нечто куда более страшное, чем эта залитая кровью библиотека.

– Я могу проводить тебя наверх, Джейн, – спокойно предложила Маура.

Вслед за подругой Джейн вернулась в прихожую; обе женщины молчали, словно это суровое испытание легче было переносить без слов. Поднимаясь по лестнице, Джейн повсюду, куда ни глянь, замечала сокровища. Антикварные часы. Картина с изображением женщины в красном. Риццоли автоматически отмечала про себя все это, даже готовясь к тому, что ждало ее на верхних этажах. В спальнях.

Преодолев последние ступени лестницы, Маура свернула направо и отправилась в комнату, которая располагалась в самом конце коридора. Через открытую дверь Джейн увидела своего напарника детектива Барри Фроста; его руки обтягивали зловеще-багровые перчатки. Он стоял, прижав локти к бокам; такую позу инстинктивно принимает любой полицейский на месте преступления, чтобы избежать перекрестного загрязнения. Увидев Джейн, Барри печально покачал головой; его взгляд будто бы говорил: «Я тоже не хотел бы находиться здесь сегодня, в такой погожий денек».

Риццоли шагнула через порог и чуть было не ослепла от солнечного света, струившегося в комнату через огромные окна во всю стену. В этой спальне занавески были не нужны, потому что окна выходили на огороженный забором двор, где листва японских кленов отливала оттенком красного вина и во всей своей красе цвели розы. Однако внимания Джейн требовали вовсе не они, а труп женщины. Сесилия Акерман, в бежевой ночной сорочке, лежала в кровати на спине; одеяло закрывало ее до плеч. Она выглядела моложе своих сорока восьми лет, отдельные пряди ее волос были искусно окрашены в светлый тон. Глаза Сесилии были закрыты, а лицо казалось до жути безмятежным. Пуля вошла чуть выше левой брови. Округлый след от пороха на коже говорил о том, что это контактная рана: когда нажали на спусковой крючок, дуло было прижато ко лбу женщины. «Ты спала, когда убийца выстрелил, – решила Джейн. – Ты не кричала и не сопротивлялась, ты не представляла опасности. Но незваный гость все-таки вошел в эту комнату, подошел к постели и выстрелил тебе в голову».

– Будет еще хуже, – пообещал Фрост.

Риццоли взглянула на своего напарника. В резком утреннем свете его лицо казалось осунувшимся. Но в глазах Барри Джейн заметила не просто усталость, – то, что Фрост увидел, потрясло его.

– Комнаты детей находятся на третьем этаже, – будничным тоном сообщила Маура. Она сказала это так, словно была агентом по недвижимости, описывающим особенности роскошного дома.

Джейн услышала скрип над головой, шаги членов еще одной команды, которая передвигалась по комнатам, расположенным этажом выше, и внезапно вспомнила тот год, когда еще в старших классах школы помогала устраивать дом ужасов на Хеллоуин. Они разбрызгивали красную краску и изображали нарочито жуткие сцены, куда более жуткие, чем в этой спальне с безмятежной

покойницей. Действительность способна ужасать и небольшим количеством крови.

Маура направилась к выходу из комнаты, тем самым показывая, что все важное здесь они уже увидели и теперь пора двигаться дальше. Джейн пошла вслед за ней к лестнице. Золотистый свет струился вниз сквозь застекленную крышу, и создавалось ощущение, будто они поднимаются по райским ступеням, однако этот путь вел совсем в другое место. Туда, куда Риццоли вовсе не хотелось попасть. Нехарактерная для Мауры летняя блузка казалась крайне неуместной – примерно как ярко-розовый наряд на похоронах. Пусть это была всего лишь незначительная деталь, однако она досаждала Джейн и даже раздражала ее: ну почему сегодня утром, в тот день, когда погибли трое детей, подруга выбрала именно этот жизнерадостный цвет?

Женщины достигли третьего этажа, и Маура грациозно отступила в сторону, приподняв обтянутую бахилой ступню над каким-то препятствием на лестничной клетке. Только когда Джейн добралась до последней ступени, она увидела маленькую – до слез – фигурку, накрытую пластиковым покрывалом. Опустившись на корточки, Маура приподняла кончик этого савана.

Девочка лежала на боку, свернувшись в позе эмбриона, так, словно пыталась укрыться в безопасной материнской утробе, о которой у нее остались смутные воспоминания. Кожа ребенка носила кофейный оттенок, а черные волосы были заплетены в мелкие косички, украшенные яркими бусинами. В отличие от убитых, оставшихся на нижних этажах, эта малышка была афроамериканкой.

– Убитая номер три – восьмилетняя Кимми Акерман, – объявила Маура бесстрастным и невыразительным голосом; от этого голоса Джейн, которая пристально глядела на мертвого ребенка, коробило все больше и больше.

Такая малышка! Девочка в розовой пижаме с крошечными танцующими пони. Возле трупа на полу остался отпечаток узкой обнаженной ступни. Слишком мала для мужской. «След Тедди», – поняла Джейн.

– Пуля пробила затылочную кость девочки, но наружу не вышла. Судя по углу, стрелявший был выше и целился со спины жертвы.

– Девочка не стояла на месте, – тихо произнесла Джейн. – Она пыталась убежать.

– Если судить по ее позе, в тот момент, когда в нее выстрелили, девочка, похоже, убегала в одну из комнат на третьем этаже.

– Выстрелили ей в затылок.

– Да.

– Кто, черт возьми, способен на такое? Убить ребенка!

Маура вернула на место покрывало и выпрямилась.

– Вероятно, она что-то видела внизу. Лицо убийцы. Возможно, это и послужило мотивом.

– Да прекрати ты свои логические размышления! Тот, кто это сделал, вошел в дом с готовностью убить ребенка. Стереть с лица земли целую семью!

– Я ничего не могу сказать о мотиве.

– Только о характере смерти.

– И это убийство.

– Ты так думаешь?

Маура нахмурилась:

– Почему ты злишься на меня?

– А почему все это тебя не трогает?

– Ты считаешь, это меня не трогает? Думаешь, я могу смотреть на этого ребенка и не чувствовать того, что чувствуешь ты?

Некоторое время женщины пристально глядели друг на друга, стоя по разные стороны от тела девочки. Это было еще одно напоминание о пропасти, которая пролегла между ними с тех недавних пор, когда Маура дала свидетельские показания против одного бостонского полицейского, показания, из-за которых он оказался в тюрьме. Предательство в среде правоохранителей быстро не забывают, однако Джейн всеми силами хотела заделать трещину, возникшую в их дружбе. Но просить прощения было сложно, да и времени прошло немало, и трещина укрепилась, словно прошла по бетону.

– Просто… – Джейн вздохнула. – Я терпеть не могу, когда такое случается с детьми. От этого мне хочется кого-нибудь задушить.

– Значит, нас двое.

Эти слова были произнесены тихо, но Джейн заметила, как в глазах Мауры мелькнул металлический проблеск. Да, ее подруга была в ярости, только она лучше маскировала свои эмоции и держала их под строгим контролем; точно так же Маура держала под контролем и все остальное в своей жизни.

– Риццоли! – окликнул коллегу детектив Томас Мур, стоявший в дверном проеме. Как и Фрост, он выглядел подавленно, словно этот день состарил его на десятилетие. – Ты уже говорила с мальчиком?

– Еще нет. Сначала я хотела посмотреть, с чем нам приходится иметь дело.

– Я пробыл с ним целый час. Он не произнес ни слова. Госпожа Лайман, хозяйка соседнего дома, сказала, что, когда мальчик только появился у нее на пороге в восемь утра, он был почти в кататоническом состоянии.

– Тогда ему, видимо, нужен психиатр.

– Мы вызвали доктора Цукера, и социальный работник уже едет сюда. Но я подумал, что Тедди, возможно, поговорит с тобой. Ты ведь сама мать.

– Что видел этот мальчик? Ты знаешь?

Мур покачал головой:

– Надеюсь только, что он не был в этой комнате.

Такого предупреждения было достаточно, чтобы пальцы Риццоли похолодели под латексными перчатками. Мур – высокий мужчина, и его фигура почти полностью закрывала дверной проем, словно он пытался уберечь коллегу от ожидавшего ее зрелища. Томас молча отступил в сторону.

В углу на корточках сидели две сотрудницы криминального отдела; когда Джейн вошла в комнату, они подняли головы. Обе были молоды, представительницы новой волны женщин-криминалистов, которые теперь доминировали в этой области. На вид ни та ни другая не могли еще иметь детей и знать, каково это, прижиматься к разгоряченной щеке больного ребенка или впадать в панику при виде открытого окна или пустой колыбели. Материнство несет с собой целую кучу страхов. В этой комнате один из таких ночных кошмаров стал реальностью.

– Мы считаем, что эти убитые – дочери Акерманов, десятилетняя Кассандра и девятилетняя Сара. Обе они приемные, – объяснила Маура. – Поскольку девочки встали с кроватей, их наверняка что-то разбудило.

– Выстрелы? – тихо спросила Джейн.

– О выстрелах в этом районе никто не сообщал, – возразил Мур. – Видимо, использовали глушитель.

– Но этих девочек что-то встревожило, – продолжала Маура. – Что-то заставило их выбраться из постелей.

Джейн не двинулась со своего места возле двери. Некоторое время все молчали, и она поняла, что коллеги ждут, когда она подойдет к телам, выполнит свою полицейскую обязанность. Но именно этого ей и не хотелось делать. Риццоли заставила себя приблизиться к съежившимся трупам и опуститься на корточки. «Они умерли, обнимая друг друга», – поняла Джейн.

– Если судить по их позам, – снова заговорила Маура, – похоже, что Кассандра пыталась закрыть собой младшую сестру. Две пули сначала прошли сквозь тело Кассандры, а потом пробили Сару. Затем в голову каждой девочки был сделан

завершающий контрольный выстрел. Судя по виду, их одежду не трогали, так что я не наблюдаю явных признаков сексуального насилия, но это придется подтвердить на вскрытии. Оно начнется чуть позже, сегодня днем, если, конечно, ты хочешь присутствовать, Джейн.

– Нет. Я не хочу присутствовать. Я вообще сегодня не должна была работать.

Риццоли резко развернулась и пошла прочь из комнаты; ее бахилы шуршали по полу – Джейн торопилась покинуть место, где умерли две свернувшиеся клубочком девочки. Однако по пути к лестнице она снова увидела труп самого младшего ребенка. Восьмилетней Кимми. Куда ни глянь в этом доме, подумала Риццоли, от всего сжимается сердце.

– Джейн, ты как? – спросила Маура.

– Кроме того, что я мечтаю разорвать этого подонка на части?

– Я чувствую то же самое.

«Тогда тебе куда лучше удается скрывать это», – подумала Джейн. И взглянула вниз, на покрытое простыней тело.

– Я смотрю на этого ребенка, – тихо произнесла она, – и вижу свою дочку. Ничего не могу поделать.

– Ты же мать, это вполне естественно. Послушай, на вскрытие придут Мур и Кроу. Так что тебе не обязательно присутствовать. – Маура глянула на часы. – День будет длинным. А я еще не собрала вещи.

– Ты на этой неделе едешь в школу к Джулиану?

– Сегодня я во что бы это ни стало должна уехать в Мэн. Две недели с мальчиком-подростком и его собакой. Даже и не знаю, чего ждать.

У Мауры не было своих детей, откуда ей было знать? У нее и шестнадцатилетнего Джулиана Перкинса не было ничего общего, кроме испытаний, которым они подверглись прошлой зимой, пытаясь выжить в

условиях дикой природы Вайоминга. Маура была обязана жизнью этому мальчику и теперь пыталась заменить ему утраченную мать.

– Ну что я могу рассказать тебе о мальчишках-подростках? Дай-ка подумать, – произнесла Джейн, пытаясь помочь подруге. – У моих братьев были вонючие ботинки. Они спали до полудня. И ели примерно двенадцать раз в день.

– Метаболизм пубертатного периода у мужчин. Они ничего не могут поделать с этим.

– Ого! Да ты и правда превратилась в мамашку!

Маура улыбнулась:

– На самом деле это очень приятно.

Однако материнство несет и кошмары, напомнила себе Джейн, отворачиваясь от тела Кимми. Она с радостью уходила вниз по лестнице, с радостью покидала этот дом ужасов. Когда Риццоли в конце концов снова вышла на улицу, она сделала глубокий вдох, словно стремилась вытеснить из своих легких запах смерти. Полчища представителей массмедиа разрослись еще больше, телекамеры, словно стенобитные орудия, выстроились по периметру места преступления. Кроу был в центре внимания – детектив Голливуд работал на публику. Никто не заметил, как Джейн проскользнула мимо и зашагала к соседнему дому.

На веранде, с широкой улыбкой наблюдая за представлением Кроу перед камерами, стоял патрульный полицейский.

– Как думаете, кто будет играть его в кино? – поинтересовался он. – Брэд Питт достаточно красив?

– Сыграть Кроу ни у кого красоты не хватит, – фыркнула Риццоли. – Мне нужно поговорить с мальчиком. Он в доме?

– С офицером Васкес.

– Мы ждем еще психиатра. Так что, когда доктор Цукер появится, пропустите его в дом.

– Есть, мэм.

Джейн вдруг поняла, что она до сих пор не сняла перчатки и бахилы, надетые на месте преступления. Она стянула их, сунула в карман и позвонила в дверь. Через мгновение на пороге возникла красивая седовласая женщина.

– Госпожа Лайман? – осведомилась Джейн. – Я детектив Риццоли.

Женщина кивнула и жестом пригласила войти.

– Поторопитесь. Я не хочу, чтобы нас увидели эти ужасные люди с камерами. Они так вторгаются в частную жизнь!

Джейн переступила порог дома, и хозяйка быстро закрыла дверь.

– Мне велели ожидать вас. Хотя я не очень понимаю, как вам удастся разговорить Тедди. Милейший детектив Мур был столь терпелив с ним…

– Где Тедди?

– В оранжерее. Бедняжка не сказал мне почти ни слова. Просто явился сегодня утром к моей парадной двери, еще в пижаме. Я только взглянула на него и сразу поняла: произошло что-то ужасное. – Хозяйка повернулась. – Вон туда.

Джейн последовала за госпожой Лайман в вестибюль и посмотрела вверх на лестничный колодец, абсолютно такой же, как в доме Акерманов, словно это было зеркальное отражение. Как и дом соседей, жилище Лайманов отличало наличие изысканных и дорогих на вид картин.

– Что он сказал вам? – поинтересовалась Риццоли.

– Он сказал: «Все умерли. Они все умерли». И это все, что он сумел вымолвить. Я увидела кровь на его босых ногах и тут же позвонила в полицию. – Женщина остановилась перед входом в оранжерею. – Сесилия и Бернард были хорошими

людьми. Сесилия так радовалась, когда наконец получила то, что хотела, – полный дом детей. Они уже начали процедуры по усыновлению Тедди. А теперь мальчик снова остался совсем один. – Госпожа Лайман немного помолчала. – Знаете, я не против оставить его здесь. Парнишка знает меня и знаком с этим домом. Сесилия наверняка хотела бы, чтоб так и было.

– Это великодушное предложение, госпожа Лайман. Но у социальной службы есть приемные семьи, специально подготовленные для того, чтобы принимать травмированных детей.

– Ох! Что ж, это всего лишь идея. Поскольку я уже знаю мальчика.

– Тогда вы можете рассказать мне о нем побольше. Есть ли что-то, что поможет мне установить контакт с Тедди? Чем он интересуется?

– Он очень тихий. Любит книги. Сколько я ни приходила к соседям, он все время сидел в библиотеке Бернарда, среди книг по римской истории. Можно попытаться растопить лед разговором на эту тему.

«Римская история, – подумала Джейн, – да, в этом я дока».

– А что еще его интересует?

– Садоводство. Он любит экзотические растения из моей оранжереи.

– А спорт? Можно с ним поговорить о «Мишках»?[4 - «Бостонские мишки» («Бостон бруинз») – профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге.] Или о «Патриотах»?[5 - «Патриоты Новой Англии» («Нью-Ингленд патриотс») – профессиональный футбольный клуб штата Массачусетс.]

– О, это ему неинтересно. Он слишком утонченный.

«Значит, я пещерный человек», – заключила про себя Риццоли.

Госпожа Лайман собралась было открыть дверь в оранжерею, но тут Джейн спросила:

– А что с его настоящими родителями? Как он оказался у Акерманов?

Госпожа Лайман снова повернулась к Риццоли:

– А вы ничего не знаете?

– Мне сказали, что он сирота и родственников у него нет.

– Вот почему все это так сильно потрясло Тедди. Сесилия очень хотела, чтобы мальчик заново научился жить, получил возможность быть по-настоящему счастливым. Не думаю, что теперь это когда-нибудь получится. Теперь, после того как все повторилось.

– Повторилось?

– Два года назад Тедди и его семья путешествовали на паруснике и встали на якорь у острова Сент-Томас. Ночью, пока все спали, кто-то проник на судно. Родителей Тедди и его сестер убили. Застрелили.

Во время последовавшей паузы Джейн вдруг поняла, как тихо в доме. Настолько тихо, что следующий вопрос она непроизвольно задала почти шепотом:

– А Тедди? Как ему удалось выжить?

– Сесилия говорила мне, что мальчика нашли в воде, он плыл в спасательном жилете. И еще, что он не помнил, как попал в воду. – Госпожа Лайман бросила взгляд на закрытую дверь оранжереи. – Теперь вы понимаете, насколько все это потрясло его. Потерять родных жутко и один раз. А если это произошло повторно? – Женщина покачала головой. – Такое не в силах вынести ни один ребенок.

5

Для травмированного ребенка трудно было бы выбрать более умиротворяющее место, чем оранжерея госпожи Лайман. Из этого полностью застекленного помещения можно было смотреть на огороженный сад. Лучи утреннего солнца струились в окна, питая влажные заросли вьюнов, папоротников и деревьев в кадках. Джейн не приметила мальчика среди этой буйной растительности, зато увидела женщину-полицейского, тут же поднявшуюся из ротангового кресла.

– Детектив Риццоли? Офицер Васкес, – представилась она.

– Как Тедди? – осведомилась Джейн.

Васкес бросила взгляд в угол, где ползучие растения вытянулись вверх, сформировав прочный навес, и прошептала:

– Он не сказал мне ни слова. Только все время будто бы прячется и хнычет.

Лишь после этого Джейн узрела длинную тонкую фигурку, сидевшую на корточках под беседкой из вьюнов. Мальчик согнулся, обхватив ноги и прижав их к груди. Риццоли сказали, что ему четырнадцать, однако парнишка, одетый в блекло-синюю пижаму, выглядел гораздо моложе; его лицо закрывала светло-каштановая челка.

Джейн опустилась на колени и подползла к ребенку, поднырнув под стебли вьюнов и продвинувшись чуть глубже в сень растений. Пока она усаживалась рядом в его зеленом убежище, мальчик не сдвинулся с места.

– Тедди, – обратилась к нему Риццоли, – меня зовут Джейн. Я пришла помочь.

Парнишка даже не поднял глаз, не произнес ни слова.

– Ты ведь просидел здесь довольно долго, правда? И наверняка голоден.

Неужели он и правда едва заметно шевельнул головой? Или это просто трепет, сейсмические колебания в ответ на боль, глубоко скрытую в маленьком, хрупком теле?

– Как бы ты отнесся к шоколадному молоку? А может, хочешь мороженого? Не сомневаюсь, в холодильнике у госпожи Лайман оно есть.

Казалось, мальчик еще больше замкнулся, свернувшись в такой тугой комочек, что Джейн испугалась: а вдруг им никогда не удастся его расправить? Из-под зарослей вьюна она тайком бросила взгляд на Васкес; та стояла и внимательно смотрела в их сторону.

– Не могли бы вы покинуть нас? – попросила Риццоли. – Думаю, сейчас нас двоих слишком много в этом помещении.

Васкес вышла из оранжереи, закрыв за собой дверь. Минут десять-пятнадцать Джейн молчала, она не только не вымолвила ни слова, но даже не посмотрела в сторону мальчика. Они сидели бок о бок, этакие молчаливые компаньоны, и в помещении слышались лишь тихие всплески воды в мраморном фонтане. Опершись спиной на стену беседки, Риццоли взглянула вверх, на изогнутые дугами ветви растений над головой. В этом райском саду, спрятанном от холода, пышно разрастались даже банановые пальмы и апельсиновые деревья, и Риццоли представила, каково это, войти сюда в какой-нибудь зимний день, когда на улице валит снег, и вдохнуть аромат теплой земли и зеленых растений. Вот что можно купить за деньги, подумала она. Вечную весну. Джейн не сводила глаз с потолка, откуда проливался солнечный свет, но прекрасно слышала дыхание сидевшего рядом парнишки. Оно замедлилось и успокоилось по сравнению с тем, что было всего несколько минут назад. Джейн слышала шорох листвы – мальчик устраивался поудобней в этой беседке из вьюнов, – но удержалась от соблазна посмотреть на него. Она вспомнила об оглушительных истериках, которые ее двухлетняя дочь устраивала на прошлой неделе; тогда малышка Реджина беспрестанно визжала: «Хватит смотреть на меня! Хватит смотреть!» Джейн и ее муж Габриэль смеялись, но это еще больше бесило Реджину. Даже двухлетнему малышу не нравится, когда на него глазеют, и он негодует, что кто-то вторгается в его личное пространство. Поэтому Джейн пыталась не вмешиваться в жизнь Тедди Клока, а просто сидела рядом в его зеленой пещере. И, даже услышав его вздох, Риццоли постаралась не отвести взгляда с пятен солнечного света на зеленом ветвистом потолке.

– Кто вы? – Эти слова были сказаны почти шепотом.

Джейн заставила себя не шевелиться, постаралась выдержать долгую паузу.

– Я Джейн, – так же тихо ответила она.

– Но кто вы?

– Я друг.

Парнишка вздохнул, но слишком устало и понуро для четырнадцатилетнего мальчика.

– Нет, вы не друг. Я вас знать не знаю.

Риццоли обдумала слова ребенка и вынуждена была признать, что он прав. Она из полиции, и ей нужно что-то узнать у мальчика, и как только она узнает это, тут же передаст его соцработнику.

– Ты прав, Тедди, – созналась Джейн, – на самом деле я не совсем друг, я детектив. Но я очень хочу помочь тебе.

– Никто не может мне помочь.

– Я могу. И сделаю это.

– Тогда и вы тоже погибнете.

От этого утверждения, произнесенного таким ровным тоном, у Джейн по телу пробежали мурашки. «Вы тоже погибнете». Риццоли повернулась и пристально взглянула на парнишку. Он не смотрел на нее, а просто мрачно глядел куда-то вперед, слово бы в свое безнадежное будущее. Голубые глаза Тедди были настолько светлыми, что даже казались сверхъестественными. Его светло-каштановые волосы выглядели очень тонкими, словно кукурузные рыльца, а одна слабая прядь спадала на бледный выпуклый лоб. Мальчик был бос; он покачивался вперед-назад, и Джейн, заметив кровавые пятна под ногтями пальцев его правой ноги, вспомнила следы, уходившие от лестничного пролета, от тела восьмилетней Кимми. Чтобы сбежать из дома, Тедди пришлось ступить в лужу ее крови.

– Вы и правда хотите помочь?

– Да, обещаю.

– Я ничего не вижу. Я потерял их, но боюсь вернуться и поискать.

– Поискать что, Тедди?

– Мои очки. Думаю, они в моей комнате. Я наверняка забыл их в своей комнате, но точно не помню…

– Я найду их для тебя.

– Потому-то я и не могу сказать вам, как он выглядел. Потому что я не смог его увидеть.

Джейн затихла, боясь прервать мальчика. Она опасалась, что любое ее слово, любое движение могут заставить парнишку отступить, спрятаться в панцирь, наподобие испуганной черепахи. Риццоли ждала, но слышала лишь всплески воды в фонтане.

– О ком ты говоришь? – наконец спросила она.

Мальчик взглянул на Джейн, и его глаза, казалось, озарились изнутри каким-то синим огнем.

– О человеке, который убил их. – Тедди осекся, будто эти слова застряли у него в горле, в тонком всхлипе. – Мне бы очень хотелось помочь вам, но я не могу. Не могу, не могу…

Материнский инстинкт заставил Риццоли раскрыть объятия, и мальчик бросился в них, прижался к ее плечу. Она обнимала ребенка, а парнишка сотрясался так сильно, что, казалось, его тело вот-вот развалится, словно Джейн – единственная сила, не дающая разломаться этой костлявой фигурке. Пусть Тедди не был ее сыном, но в тот момент, когда мальчик прижимался к ней, когда его слезы падали на ее блузу, Джейн до мозга костей чувствовала себя его матерью, готовой защитить ребенка от всех чудовищ в этом мире.

– Он никогда не остановится. – (Джейн чуть не пропустила эти слова, сказанные ей в блузу.) – В следующий раз он найдет меня.

– Нет, не найдет. – Джейн схватила его за плечи и мягко отстранила, чтобы посмотреть в лицо мальчика. Длинные ресницы отбрасывали тень на белые, словно напудренные, щеки подростка. – Он не найдет тебя.

– Он вернется. – Тедди обхватил себя руками, внутренне возвращаясь в какое-то далекое безопасное место, где его никто не достанет. – Он всегда возвращается.

– Тедди, мы сможем поймать и остановить его только в том случае, если ты поможешь нам. Если ты расскажешь мне, что случилось прошлой ночью.

Джейн увидела, как худенькая грудь парнишки приподнялась, однако вырвавшийся из нее вздох показался ей слишком уж усталым и подавленным для такого юного возраста.

– Я был в своей комнате, – прошептал парнишка. – Читал одну из книг Бернарда.

– И что произошло потом? – надавила Джейн.

Тедди пристально взглянул на нее своими призрачными глазами.

– Потом все и началось.

Когда Джейн вернулась в особняк Акерманов, из дома вывозили последнее тело – труп ребенка. Риццоли остановилась, пропуская проезжавшую мимо каталку, колеса которой поскрипывали по блестящему паркету, и ничего не смогла с собой поделать – у нее перед глазами возник образ дочери: Реджина, лежащая под простыней. Вздрогнув, Джейн обернулась и увидела спускавшегося по лестнице Мура.

– Мальчик поговорил с тобой?

– И сказал мне достаточно, чтобы стало ясно: он не видел ничего из того, что могло бы помочь нам.

– Значит, ты добилась большего, чем я. У меня было предчувствие, что ты найдешь подход.

– Это вовсе не означает, что я прямо такая белая и пушистая.

– Но он ведь поговорил с тобой. Кроу хочет, чтобы с ним общалась главным образом ты.

– Я что, стала теперь официальным детским переговорщиком?

Мур, словно бы извиняясь, пожал плечами:

– Кроу ведет это дело.

Джейн взглянула на лестницу, в сторону верхних этажей; там теперь царила странная тишина.

– Что здесь происходит? Где все?

– Занимаются версией домработницы, Марии Салазар. У нее есть ключи и пароль системы безопасности.

– Они ведь и должны быть у домработницы.

– Оказалось, у нее есть еще и мужчина с проблемами.

– Кто такой?

– Незарегистрированный иностранец по имени Андрес Сапата. У него в Колумбии целый послужной список. Ограбление со взломом. Контрабанда наркотиков.

– А что-нибудь насильственное?

– Нам об этом неизвестно. Но тем не менее.

Джейн пристально посмотрела на антикварные часы – мимо такой штучки не прошел бы ни один уважающий себя грабитель. Она вспомнила и о том, что слышала раньше: сумочка Сесилии и бумажник Бернарда были в их спальне, а к шкатулке с украшениями никто не притрагивался.

– Если это ограбление, – проговорила она, – то что же забрал преступник?

– Из такого огромного дома с таким количеством ценностей? – Мур покачал головой. – Единственный человек, кто может сказать нам, что пропало, – домработница.

А она теперь вроде как подозреваемая.

– Я хочу подняться и осмотреть комнату Тедди, – сказала Джейн и направилась вверх по лестнице.

Мур не пошел за ней. Оказавшись на третьем этаже, Риццоли обнаружила, что она совсем одна – уехала даже команда криминалистов. В прошлый раз Джейн лишь бросила взгляд в открытую дверь, теперь же вошла внутрь и медленно оглядела идеально прибранную комнату Тедди. На письменном столе, повернутом к окну, лежала стопка книг; многие были старыми и, судя по всему, любимыми. Джейн взглянула на названия: «Военные технологии древности», «Введение в этноботанику», «Руководство по криптобиологии», «Александр в Египте». Риццоли вряд ли предположила бы, что четырнадцатилетний подросток станет читать такую литературу, однако Тедди не был похож на парнишек, которых ей приходилось встречать ранее. Телевизора в комнате она не увидела, зато на столе, рядом со стопкой книг, стоял открытый ноутбук. Джейн ударила по одной из клавиш, и экран ожил, показывая интернет-страничку, которую Тедди смотрел последней. Это был поисковик «Гугл»; Тедди забил в него вопрос: «Убили ли Александра Великого?»

Судя по идеальному порядку на столе, по ровной стопке книг, парнишка был помешан на аккуратности. Карандаши в выдвижном ящике стола были заточены, словно копья, готовые к бою, скрепки и степлер лежали строго в соответствующих отсеках. Ему всего четырнадцать, а он уже страдает от безнадежного обсессивно-компульсивного расстройства. Именно здесь парнишка сидел накануне в полночь – так он сказал Джейн, – когда уловил едва слышные хлопки и крики Кимми, бежавшей вверх по лестнице. Склонность к

аккуратности заставила парнишку закрыть книгу «Александр в Египте», даже несмотря на то что он был испуган. Мальчик понимал, что означают эти хлопки и крики.

«То же происходило и раньше, – говорил Тедди. – Эти же звуки я слышал на корабле. Я знал, что это выстрелы».

Здесь не было иллюминатора, сквозь который можно было бы вылезти, – из комнаты на третьем этаже не так-то просто сбежать.

Поэтому парнишка выключил свет. Он слышал крики девочек, слышал новые хлопки и спрятался туда, куда в первую очередь заберется любой испуганный ребенок, – под кровать.

Обернувшись, Джейн увидела идеально гладкое покрывало, белье, заправленное так же идеально, как на солдатской койке. Неужели навязчивая аккуратность Тедди, страдающего обсессивно-компульсивным расстройством, заставила его так убрать кровать? Если да, это, скорее всего, спасло ему жизнь. Тедди прятался под кроватью, а убийца вошел и зажег свет.

«Черные ботинки, – рассказывал парнишка. – Я видел только их. У него были черные ботинки, и он стоял прямо возле моей кровати».

Возле кровати, на которой в полночь никто не спал. Видимо, незваный гость решил, что ребенок, живущий в этой комнате, той ночью отсутствовал.

Убийца в черных ботинках вышел за порог. Проходил час за часом, но Тедди оставался под кроватью, съеживаясь от каждого скрипа. Ему показалось, будто шаги возвращаются – тихие, почти бесшумные, – и он вообразил, что убийца все еще в доме, ждет его.

Парнишка не знал, который час, когда он заснул. Тедди сказал лишь одно: когда он проснулся, светило солнце. Только тогда мальчик, одеревенелый и измученный оттого, что полночи провел на жестком полу, все-таки выполз из своего убежища. В окно он увидел госпожу Лайман, работавшую в своем саду. Поблизости находилось безопасное место, в соседнем доме жил человек, к которому он мог обратиться.

Так он и поступил.

Джейн опустилась на колени и заглянула под кровать. Зазор между матрасом и полом был таким узким, что Риццоли ни за что не уместилась бы в нем. Однако испуганному парнишке удалось втиснуться в это узкое – теснее гроба – пространство. В полутьме, глубоко под кроватью, Джейн разглядела какой-то предмет, и ей пришлось лечь и уткнуться лицом в пол, чтобы дотянуться и ухватить его.

Это были пропавшие очки Тедди.

Джейн снова поднялась на ноги и напоследок оглядела комнату. Хотя в окно струился яркий солнечный свет и на улице было по-летнему тепло – двадцать четыре градуса, в этих четырех стенах она почувствовала озноб и поежилась. Странно, что этого холода не ощущалось в тех комнатах, где погибли члены семейства Акерман. Нет, казалось, только здесь все еще сохранялся ужас событий прошлой ночи.

Здесь, в комнате мальчика, который остался в живых.

6

– Похоже, Тедди Клок – самый несчастный мальчик на планете, – заметил детектив Томас Мур. – Если хорошенько подумать обо всем том, что с ним произошло, перестанешь удивляться его серьезным эмоциональным проблемам.

– Начнем с того, что он вряд ли когда-нибудь был нормальным, – сказал Даррен Кроу. – Мальчишка очень странный.

– Странный – в каком смысле?

– В четырнадцать лет он не занимается спортом. Не смотрит телевизор. Каждый вечер и по выходным сидит, ссутулившись, у своего компьютера и стопки старых пыльных книжек.

– Некоторые люди не увидят в этом ничего странного.

Кроу обернулся к Джейн:

– Ты провела с ним больше всего времени, Риццоли. И должна признать, что с парнишкой не все в порядке.

– Это по твоим стандартам, – отозвалась Джейн. – Тедди куда умнее.

Над столом пронеслось несколько «ого!» – это оставшиеся четыре детектива приготовились наблюдать реакцию Кроу на не слишком завуалированное оскорбление.

– Есть совершенно бесполезное знание, – огрызнулся Кроу. – И к тому же есть мудрость улицы.

– Парнишке всего четырнадцать, а он сумел пережить два массовых убийства, – заметила Джейн. – Не стоит рассказывать мне, что у мальчика нет житейского опыта.

Исполняя обязанности руководителя команды детективов, работавших по делу Акерманов, Кроу вел себя еще резче, чем обычно. Утреннее совещание команды шло уже час, и все его участники были на грани. За последние тридцать с чем-то часов после убийства Акерманов истерия прессы только нарастала, и сегодня, проснувшись, Риццоли наткнулась на заголовок материала одной желтой газетенки: «Кошмар на Бикон-Хилле», там же была и фотография главного подозреваемого – Андреса Сапаты, пропавшего дружка домработницы Акерманов. Это был преступник со стажем, раненный во время ареста в Колумбии, да и лицом он походил на убийцу. Сапата был нелегальным иммигрантом, привлекался к ответственности за ограбление со взломом, а отпечатки его пальцев обнаружились и на кухонной двери, и на кухонных столах дома Акерманов. Для ордера на арест у них было достаточно оснований, но вот насчет приговора Джейн очень сомневалась.

– Не стоит рассчитывать, что Тедди поможет нам обвинить Сапату, – проговорила Риццоли.

– У тебя полно времени, чтобы его подготовить, – ответил Кроу.

– Он не видел лица.

– Но наверняка видел что-то, что понадобится нам в суде.

– Тедди куда более ранимый, чем ты воображаешь. Не стоит надеяться, что он станет свидетельствовать в суде.

– Да боже мой, ему ведь всего четырнадцать! – рявкнул Кроу. – Когда мне было четырнадцать…

– Не надо мне рассказывать. Ты душил питонов голыми руками.

Кроу подался вперед:

– Я не хочу, чтобы это дело развалилось. Нам нужно расставить все по полочкам.

– Тедди на полочку не поставишь, – возразила Джейн. – Он ребенок, а не кастрюля.

– И к тому же с травмированной психикой, – добавил Мур. Он открыл папку, с которой пришел на совещание. – Я еще раз переговорил с детективом Эдмондсом с Виргинских островов. Он передал мне по факсу дело об убийстве семьи Клок, и…

– Они были убиты два года назад, – прервал коллегу Кроу. – На чужой территории, даже в чужой стране. Какая связь с нашим преступлением?

– Возможно, никакой, – согласился Мур. – Но эта информация свидетельствует о душевном состоянии мальчика. Объясняет, почему он так подавлен. То, что случилось с ним на Сент-Томасе, не менее ужасно, чем здешние события.

– И то дело так и не раскрыли? – поинтересовался Фрост.

Мур покачал головой:

– Однако оно хорошо освещалось прессой. Помню, я читал о нем тогда. Американская семья отправилась в идеальное путешествие и была убита на своей семидесятипятифутовой яхте. Притом что на Виргинских островах уровень преступности в десять раз превышает наш, даже там это массовое убийство потрясло всех. На самом деле все произошло на островах Капелла, чуть дальше от Сент-Томаса. Клоки – Николас, Аннабель и их трое детей – жили на борту своей яхты «Пантомима». Они встали на якорь в тихой бухте, чтобы переночевать, поблизости не было ни одной яхты. Пока они спали, убийца – или убийцы – проник на судно. Началась стрельба. Крики и вопли. Затем был взрыв. По крайней мере, именно так Тедди позднее рассказывал полиции.

– А как ему удалось выжить? – осведомился Фрост.

– Во время взрыва он потерял сознание, поэтому в его воспоминаниях есть черные дыры. Но последнее, что он припомнил, – это голос отца, велевшего мальчику прыгать. Когда Тедди очнулся, он был в воде, в спасжилете. Ныряльщики нашли его на следующее утро в окружении обломков «Пантомимы».

– А его родные?

– В водах проводилась большая поисковая операция. В итоге обнаружили тела Аннабель и одной из девочек. Вернее, то, что от них осталось, после того как акулы сделали свое дело. Вскрытие показало, что обеих убили выстрелом в голову. Тела Николаса и еще одной дочери так и не нашлись. – Мур раздал коллегам копии отчета. – Лейтенант Эдмондс считает это дело самым жутким из всех, которые он расследовал. Семидесятипятифутовая яхта – соблазнительный объект для нападения, так что он считает мотивом ограбление. Вероятно, убийца или убийцы забрали с судна все ценные вещи, а затем взорвали его, стремясь уничтожить улики, чтобы полиции не за что было зацепиться. Дело так и осталось нераскрытым.

– По этому делу мальчик тоже не может припомнить ничего полезного, – заметил Кроу. – Что, с этим ребенком действительно не все в порядке?

– Тогда ему было всего двенадцать, – ответил Мур. – Но он, конечно же, умен. Я звонил его бывшей соседке в Провиденсе, там семейство Клок проживало до того, как отправиться в путешествие на яхте. Она сказала, что Тедди считали

одаренным ребенком. В школе мальчик учился по ускоренной программе. Да, у него не было друзей, имелись проблемы с адаптацией в коллективе, однако его ай-кью превышало результаты ровесников баллов на десять.

Джейн вспомнила о книгах, которые она видела в комнате мальчика, и о тех узких специальных темах, которым они посвящались. Греческая история. Этноботаника. Криптозоология. Риццоли сомневалась, что большинство четырнадцатилетних мальчишек вообще когда-нибудь слышали о таких предметах.

– Синдром Аспергера, – предположила она.

Мур кивнул:

– Это и сказала соседка. Супруги Клок показывали Тедди врачу, и тот сказал, что у мальчика нет проблем в развитии, но он не реагирует на некоторые эмоциональные сигналы. Именно поэтому ему трудно заводить друзей.

– А теперь у него никого не осталось, – проговорила Джейн.

Она вспомнила, как мальчик прильнул к ней в соседской оранжерее. И снова почувствовала прикосновение его шелковистых волос к ее щеке, вспомнила запах сонного ребенка, который исходил от его пижамы. Джейн задумалась о том, как мальчик привыкает к спешно найденной приемной семье, в которую его определили соцслужбы. Вчера вечером, прежде чем возвратиться домой к дочке, Риццоли заехала в новый дом Тедди, чтобы отдать ему очки. На этот раз мальчик оказался у пожилой семейной пары, у многоопытных приемных родителей, которые долгие годы растили попавших в беду детей.

Однако взгляд, которым Тедди проводил Джейн, когда она выходила за дверь, заставил бы сжаться сердце любой матери. Мальчик смотрел так, словно она была единственной, кто мог его спасти, но все равно бросала его у чужих людей.

Мур залез в свою папку и достал оттуда распечатку рождественской открытки с надписью: «Семейство Клок желает вам веселых праздников!»

– Это последняя весточка, полученная соседкой от семьи Клок. Электронная открытка, отправленная спустя месяц после того, как семья Тедди уехала из Провиденса. Они забрали троих детей из школы, выставили дом на продажу и всей семьей отправились в кругосветное путешествие на яхте.

– На семидесятипятифутовой яхте? – Фрост был впечатлен. – А денежки-то у них были! Чем они зарабатывали?

– Аннабель была домохозяйкой, а Николас работал финансовым консультантом в какой-то фирме в Провиденсе. Соседка не смогла припомнить название.

Кроу рассмеялся:

– Да уж, должность финансового консультанта очень ассоциируется с деньгами!

– Радикальный поступок, верно? – сказал Фрост. – Взять и внезапно сжечь все мосты. Все оставить и утащить семью на яхту.

– Именно так и считает соседка, – подтвердил Мур. – К тому же это случилось внезапно. Аннабель вообще ничего не говорила о путешествии заранее, только накануне отъезда сказала. Это заставляет задуматься.

– О чем? – не понял Кроу.

– А может, эта семья от чего-то бежала? Боялась чего-то? Вдруг два нападения на Тедди все-таки связаны?

– Нападения с интервалом в два года? – Кроу покачал головой. – Насколько нам известно, семейство Клок знать не знало Акерманов. Общее между ними только одно – мальчик.

– Просто это беспокоит меня. Вот и все.

Джейн это тоже беспокоило. Она смотрела на рождественскую фотографию – вероятно, последнюю фотографию семьи Клок. Каштановые волосы Аннабель, слегка отливавшие золотом, были забраны наверх, и эта прическа казалась небрежно-элегантной. Ее лицо с нежно изогнутыми бровями, словно вырезанное

из слоновой кости, могло бы украсить полотно любого средневекового художника.

Николас был блондином атлетического телосложения; казалось, лимонно-желтая рубашка поло трещит на его внушительных плечах. Квадратный подбородок и прямой взгляд – похоже, этот мужчина создан для того, чтобы защищать свою семью от любой опасности. В тот день, когда была сделана эта фотография, когда этот человек, улыбаясь, обнял жену своей мускулистой рукой, он еще не мог представить, какие ужасы ждут их впереди. Свою собственную водную могилу. Убийство жены и двоих детей. В тот момент фотокамера запечатлела семью, которой не нужно было бояться будущего, их глаза и улыбки ярко светились оптимизмом, и будто бы этот свет отражали рождественские украшения, развешенные у них за спиной. Даже Тедди, стоявший позади младших сестренок, судя по всему, был полон оптимизма. Трое детей-ангелочков с одинаковыми светло-каштановыми волосами и большими голубыми глазами. Все они улыбались и чувствовали себя прекрасно в безопасном семейном мирке.

А Джейн подумала, что Тедди никогда больше не окажется в безопасности.

Убивать просто. Нужны лишь свободный доступ к жертве и подходящее орудие – пуля, лезвие или семтекс. И если все правильно распланировать, убирать за собой не придется. Однако добраться до человека вроде Икара, живого и сопротивляющегося, человека, окруженного родней и телохранителями, – дело куда более тонкое.

Именно поэтому большую часть июня мы потратили на наблюдение, разведку и тренировки. Мы работали подолгу, семь дней в неделю, но никто не жаловался. Да и что жаловаться? У нас была комфортабельная гостиница, и все наши расходы покрывались сполна. А к концу дня у нас всегда было много спиртного. И не какого-нибудь пойла, а хорошего итальянского вина. За то, что от нас требовали, мы считали, нам полагалось все самое лучшее.

В один из четвергов нам позвонил местный агент. Он работал официантом в ресторане «Ла Нонна», и в тот вечер два смежных стола были зарезервированы к ужину. Один – на четверых, другой – на двоих. Тот, кто делал заказ, попросил, чтобы сразу после прибытия гостей были откупорены бутылки «Брунелло ди Монтальчино», дабы они успели как следует «подышать». Официант нисколько

не сомневался в том, для кого забронировали эти столики.

Они приехали на двух машинах – одна следовала за другой. В черном «БМВ» оказались два охранника. За рулем серебристого «вольво» сидел Икар. Одна из его причуд – он всегда упрямо настаивал на том, что сам поведет автомобиль. Хотел владеть ситуацией. Обе машины припарковались прямо напротив «Ла Нонны», чтобы их было видно во время ужина. Я уже занял позицию – уселся в близлежащем уличном кафе и заказал чашку эспрессо. Оттуда я мог со всей ясностью, словно с первого ряда на балетном спектакле, наблюдать за зрелищем, которое вот-вот должно было начаться.

Я видел, что сперва из «БМВ» вышли телохранители, они проследили, как Икар выбирался из своего «вольво». Он всегда ездил именно на «вольво» – странный выбор для человека, который был в состоянии позволить себе целый парк «мазератти». Икар открыл заднюю дверцу, и на улицу выскочил малыш Карло – одна из причин, почему Икар отдавал предпочтение такой безопасной марке автомобиля. Его младшему сыну Карло, с большими темными глазами и непослушными, как у матери, волосами, было восемь лет. У мальчика на ботинке распустился шнурок, и Икар нагнулся, чтобы завязать его.

Именно в этот момент Карло заметил, что я сижу рядом. Он так пристально посмотрел на меня, что я ощутил легкий прилив ужаса. Я решил, что мальчик знает. Что он откуда-то узнал о дальнейших событиях. У меня не было детей, в нашей команде все вообще были бездетными, поэтому малыши казались нам загадочными существами. Они представлялись нам маленькими пришельцами, еще не сформировавшимися созданиями, на которых можно не обращать внимания. Однако у Карло были светящиеся умные глаза, и я почувствовал, что с меня сходит обман, что я не в состоянии буду оправдать то, что мы собирались сделать с отцом мальчика.

Потом Икар выпрямился. Он взял Карло за руку и повел его вместе с женой и старшим сыном через улицу, на ужин в «Ла Нонну».

Я с облегчением вздохнул.

Наша команда зашевелилась – мы начали действовать.

Ко мне приблизилась молодая женщина, толкавшая перед собой детскую коляску, ее малыш был невидим под слоем одеял. Ребенок внезапно заплакал, и женщина остановилась, чтобы укачать его. Только я, сидевший почти вплотную к ней, видел, как она разрезает шину на автомобиле телохранителей. Младенец умолк, и женщина продолжила путь по тротуару.

В этот момент в «Ла Нонне» уже разливали вино, мальчики накручивали на вилки спагетти, а с кухни начали выносить блюда с телятиной, ягнятиной и свининой.

А на улице дверцы ловушки почти захлопнулись. Все шло по плану.

Однако мне не удавалось выкинуть из памяти лицо Карло, так внимательно смотревшего на меня. Этот образ проник мне глубоко в душу, он занозой сидел в моем сердце. Когда у тебя появляется предчувствие, по силе подобное этому, его никогда нельзя игнорировать.

Я очень сожалею, что отмахнулся от него.

7

Маура ехала в машине с открытым окном, и в салоне веяло летними ароматами. Несколько часов назад она миновала побережье Мэна и теперь двигалась в северо-западном направлении, к плавно скатывающимся холмам, туда, где послеполуденное солнце окрашивало золотом сенные поля. Затем вдруг ее обступил лес, заросли были такими густыми, что казалось, будто внезапно наступила ночь. Несколько миль она проехала, не увидев ни одной встречной машины, и даже задумалась: а вдруг свернула куда-то не туда? Здесь не было ни домов, ни подъездных дорожек, ни единого указателя, свидетельствующего, что она двигается в правильном направлении.

Маура уже собралась было развернуться, когда дорога вдруг оборвалась возле каких-то ворот. Над ними красовалась арка со словом, написанным изящными переплетенными буквами: «Вечерня».

Выйдя из своего «лексуса», доктор Айлз хмуро воззрилась на запертые ворота, обрамленные массивными каменными колоннами. Она не увидела никакой кнопки внутренней связи, а ограда из кованого железа, насколько хватало взгляда, тянулась по обе стороны глубоко в лес. Маура вынула свой мобильный, чтобы позвонить в школу, но здесь, в лесной чаще, сигнал отсутствовал. Лесную тишь лишь подчеркивало зловещее пищание комара, и Маура, внезапно ощутив укус, хлопнула себя по щеке. А затем пристально взглянула на пугающие кровавые разводы. Ее обволакивало облако голодных комаров. Доктор Айлз собралась было вернуться в машину, когда вдруг увидела, что к другой стороне ворот подъезжает гольфмобиль.

Из машинки выбралась знакомая молодая женщина и помахала Мауре. Лили Соул, тридцати с небольшим лет, одетая в узкие синие джинсы и зеленую ветровку, выглядела куда лучше и счастливее, чем тогда, когда они виделись с Маурой в последний раз. Собранные в свободный хвост каштановые волосы Лили теперь поблескивали золотыми прядями, а на щеках появился здоровый румянец, какого не было на бледном худом лице, которое Маура запомнила в то кровавое Рождество, в момент их первой встречи по делу об убийстве. Жестокая концовка того расследования чуть было не стоила жизни им обеим. Однако Лили Соул, всю свою жизнь убегавшая от вымышленных и реальных демонов, отличалась удивительным умением выживать, и, судя по счастливой улыбке, ей таки удалось удрать от ночных кошмаров.

– Мы ждали вас раньше, доктор Айлз, – сказала Лили. – Рада, что вы все же успели до темноты.

– А я уже боялась, что мне придется перелезть через ограду, – призналась Маура. – Мобильный здесь не ловит, и я не смогла бы позвонить.

– Ах, ну мы же знали, что вы приедете. – Лили набрала код на клавиатуре замка. – У нас по всей дороге установлены датчики движения. И камеры тоже, но вы их, вероятно, не заметили.

– Для школы слишком уж много охранного оборудования.

– Все это для безопасности студентов. Вы же знаете, как Энтони относится к охране. Ему всегда кажется мало. – Лили посмотрела на Мауру сквозь прутья ограды. – В этом его отношении нет ничего удивительного. Если учесть, что всем

нам пришлось испытать.

Пристально посмотрев в глаза Лили, Маура поняла, что не все ночные кошмары оставили эту женщину. Их тень еще была с ней.

– Но ведь прошло почти два года, Лили. Разве еще что-нибудь случилось?

– Пока нет, – зловеще произнесла Лили, открывая ворота.

Точно такое же заявление сделал бы и Энтони Сансоне. Преступления оставляют вечные шрамы на тех, кто остался в живых, таких как Лили и Сансоне; их обоих преследовали жуткие личные трагедии. Для них окружающий мир всегда будет местностью, кишащей опасностями.

– Езжайте за мной, – велела Лили, садясь в гольфмобиль. – До замка нужно проехать еще несколько миль по этой дороге.

– А разве вы не должны запереть ворота?

– Они закроются автоматически. Если вам понадобится уехать, на этой неделе код замка на воротах и парадной двери школы – сорок пять девяносто шесть. Цифры меняются каждый понедельник – мы объявляем их за завтраком.

– Значит, студентам код тоже известен.

– Конечно. Ведь ворота не для того, чтобы держать нас взаперти. Они для того, чтобы не пускать к нам внешний мир.

Маура снова забралась в «лексус». Когда она проезжала между колоннами-близнецами, ворота уже начали постепенно закрываться. Пусть Лили заверила Мауру, что никто не собирается запереть ее за этими воротами, прутья кованого забора наталкивали на мысль о тщательно охраняемой тюрьме. Они напомнили ей о лязге металла и лицах людей, смотрящих на нее через решетку.

Гольфмобиль Лили вел Мауру по узкой дороге, прорубленной в лесной чаще. В мрачной тени деревьев особенно выделялся ярко-оранжевый гриб, прильнувший к стволу почтенного дуба. Где-то высоко, в кронах деревьев, порхали птицы. На

одной из веток уселась, помахивая хвостом, рыжая белка. И какие же звери появляются здесь, в глухих лесах Мэна, с наступлением тьмы?

Лес расступился, освободив место небу, и перед Маурой показалось озеро. Вдалеке, за беспросветно-темными водами, виднелось здание «Вечерни». Лили назвала его замком, и строение, возведенное на чистом граните, выглядело именно так. Стены соорудили из этого же серого камня – они словно выросли из горы.

Женщины въехали во двор через арку, и Маура припарковала свой «лексус» возле поросшей мхом стены. Всего час назад казалось, что на улице лето, однако, когда доктор Айлз выбралась из машины, воздух был холодным и влажным. Глядя на высокие гранитные стены, на покатую крышу, Маура представила, как вокруг самой высокой башенки кружат летучие мыши.

– О чемодане не беспокойтесь, – сказала Лили, вытаскивая его из багажника «лексуса». – Мы оставим его прямо здесь, на ступенях, а господин Роман отнесет его в вашу комнату.

– А где же все студенты?

– Бо?льшая часть студентов и персонала разъехались на лето. Остались только два десятка ребят и основной состав работников; они живут здесь круглый год. А на следующей неделе вас с Джулианом ждет настоящая тишина, поскольку всех остальных детей мы везем на экскурсию в Квебек. Позвольте мне быстренько показать вам школу, а затем я отведу вас к Джулиану. У него сейчас урок.

– Как у него дела? – поинтересовалась Маура.

– О, он по-настоящему расцвел, с тех пор как попал сюда! Не сказать, что он очень любит занятия в классе, однако мальчик находчив и замечает то, что упускают другие. А еще он защищает младших, всегда следит за ними. Настоящий опекун по характеру. – Лили умолкла. – Однако нам он стал доверять не сразу. Это и понятно, если вспомнить, что ему пришлось пережить в Вайоминге.

Да, Маура прекрасно понимала. Они с Джулианом перенесли все это вместе – боролись за жизнь, не зная, кому доверять.

– А вы, Лили? – спросила Маура. – Как ваши дела?

– Я теперь на своем месте. Живу в этом прекрасном замке. Учу замечательных детей.

– Джулиан рассказывал, что на занятиях вы строили римскую катапульту.

– Да, когда проходили приемы ведения осады. Студенты очень увлеклись процессом. И к сожалению, разбили окно.

Женщины поднялись по каменной лестнице и оказались у двери – такой высокой, что в нее спокойно прошел бы великан. Лили снова набрала код замка. Массивная деревянная дверь распахнулась очень просто, от легкого толчка, и, переступив порог, спутницы оказались в холле с высоченными арками, обрамленными старым деревом. С потолка свисала железная люстра, а над ней, в арке, красовалось, словно разноцветный глаз, круглое витражное окно. В этот мрачный вечер сквозь него проникал лишь слабый мутноватый свет.

Маура остановилась у подножия массивной лестницы и залюбовалась гобеленом, висевшим на стене, – выцветшим изображением двух единорогов, отдыхающих в беседке из фруктовых деревьев и лоз.

– Это и в самом деле замок, – проговорила она.

– Построенный примерно в тысяча восемьсот тридцать пятом году неким Сирилом Магнусом, страдавшим манией величия. – Лили с отвращением покачала головой. – Он был железнодорожным магнатом, страстным охотником, коллекционером искусства и, если верить большинству свидетельств, порядочной сволочью. Этот замок замышлялся как его личная резиденция. Проектировался в готическом стиле, которым Магнус так восхищался во время путешествий по Европе. Гранит добывали в пятидесяти милях отсюда. Балки – из старого доброго мэнского дуба. Когда тридцать лет назад «Вечерня» купила это здание, оно было в очень приличном состоянии, так что почти все здесь – оригинальное. Сирил Магнус в течение нескольких лет достраивал замок, и в нем легко потеряться. Поэтому не удивляйтесь, если заблудитесь.

– Этот гобелен выглядит средневековым, – сказала Маура, указывая на изображение единорогов.

– Так и есть. Он привезен из виллы Энтони, что во Флоренции.

Мауре приходилось видеть сокровищницу, состоящую из картин XVI века и венецианской мебели, которую Энтони Сансоне держал в своем особняке на Бикон-Хилле. Она нисколько не сомневалась, что его вилла во Флоренции столь же огромна, как и это здание, а произведения искусства, хранящиеся в ней, впечатляют еще больше. Однако эти стены отличались от теплых, выкрашенных в медовые оттенки тосканских строений, здешние стены из серого камня испускали холод, который невозможно было развеять даже в солнечный день.

– А вы бывали там? – поинтересовалась Лили. – В его доме во Флоренции?

– Меня не приглашали, – ответила Маура, а про себя добавила: «Видимо, в отличие от вас».

Лили задумчиво взглянула на собеседницу.

– Не сомневаюсь, это дело времени, – проговорила она и повернулась к тому, что представлялось Мауре обшитой панелями стеной. Лили надавила на одну из панелей – та распахнулась, обнажив дверной проем. – Это вход в библиотеку.

– Вы что, пытаетесь спрятать книги?

– Нет, это просто одна из странностей постройки. Полагаю, старина Сирил Магнус любил сюрпризы, поскольку это не единственная дверь, замаскированная под нечто иное.

Лили провела гостью по коридору, в котором не было окон; темные панели на стенах еще больше подчеркивали его полумрак. Оказавшись в самом дальнем конце коридора, женщины вошли в комнату с высокими окнами-арками, пропускавшими серый свет угасающего дня. Маура удивленно вглядывалась и ряды книжных полок, взлетавших вверх на три этажа, к самому потолку-куполу; штукатурка там была украшена изображением пушистых облаков на голубом небе.

– Это самое сердце «Вечерни», – объяснила Лили. – Наша библиотека. В любое время, днем или ночью, студенты могут приходить сюда и брать с полки любую книгу – конечно, если они готовы обращаться с ней уважительно. А если они не могут найти необходимое в библиотеке… – Лили подошла к противоположной стене и открыла дверь, за которой скрывался десяток компьютеров. – На крайний случай всегда есть доктор «Гугл». – Она с презрением закрыла дверь. – Но в самом деле, кому нужен Интернет, когда здесь настоящие сокровища. – Лили жестом указала на три этажа книг. – Целое собрание многовековой мудрости под одной крышей. От одного взгляда на это у меня слюнки текут.

– Вы говорите как настоящий преподаватель классической истории, – заметила Маура, разглядывая корешки.

«Женщины Наполеона». «Жития святых». «Египетская мифология». Она остановилась, наткнувшись на одно из названий – черный кожаный корешок с золотыми буквами: «Люцифер». Книга будто бы взывала к ней, требуя внимания. Маура вынула издание и пристально взглянула на истертый переплет с тисненым изображением присевшего на корточки дьявола.

– Мы считаем, что знания необходимы все без исключения, – тихо пояснила Лили.

– Знания? – Маура поставила книгу на полку и посмотрела на собеседницу. – Или суеверия?

– Неплохо понимать и то, и то, вы так не думаете?

Маура прошлась по залу, мимо рядов длинных деревянных столов и стульев, мимо нескольких глобусов, изображавших мир, каким его представляли в разные века.

– Если только вы не преподаете это как систему фактов, – проговорила она, остановившись, чтобы рассмотреть глобус 1650 года с неправильными очертаниями континентов и многочисленными неизвестными и неоткрытыми землями. – Тогда получается суеверие. Миф.

– На самом деле мы учим их вашей системе верований, доктор Айлз.

– Моей системе верований? – Маура удивленно посмотрела на Лили. – Это какой же?

– Научной. Преподаем им химию и физику, биологию и ботанику. – Лили бросила взгляд на старинные дедовские часы. – Кстати, именно ею Джулиан сейчас и занимается. Урок вот-вот должен закончиться.

Женщины вышли из библиотеки и вернулись в холл по отделанному темными панелями коридору, а затем поднялись по массивной лестнице. Проходя под гобеленом, Маура заметила, что он слегка колеблется на каменной стене, словно в здание ворвался сквозняк; казалось, единороги ожили и теперь вздрагивают под развесистыми фруктовыми деревьями. Возле окна лестница поворачивала, и Маура обернулась полюбоваться видом на лес, раскинувшийся вдали. Джулиан рассказывал ей, что школа окружена чащей и до ближайшего городка нужно ехать несколько миль. Только сейчас она поняла, насколько в действительности изолирована «Вечерня».

– Никто сюда не доберется, – тихо проговорил голос, он был настолько близко, что Маура вздрогнула. Полумрак скрадывал черты стоявшей в арке Лили. – Мы сами обеспечиваем себя едой. Разводим птицу ради яиц и коров ради молока. Отапливаем здание собственной древесиной. Нам совершенно не нужен внешний мир. И здесь я впервые чувствую себя в безопасности.

– Здесь? В лесу с волками и медведями?

– Мы с вами прекрасно знаем, что существуют вещи куда более опасные, чем волки и медведи за воротами.

– Разве вам не полегчало, Лили?

– Я по-прежнему думаю о том, что произошло, каждый день думаю. О том, что он сделал с моими родными, со мной. Но то, что я здесь, мне очень помогло.

– Помогло ли? Или здешняя изолированность только усиливает ваши страхи?

Лили в упор взглянула на Мауру:

– Здоровый страх перед окружающим миром помогает некоторым из нас оставаться в живых. Этот урок я заучила два года назад. – Лили продолжила подниматься по лестнице, мимо мрачноватой картины, изображавшей трех мужчин в средневековых одеждах; без сомнения, еще одно пожертвование из семейного собрания Энтони Сансоне.

Маура подумала, что неугомонные студенты каждый день носятся мимо этого шедевра, и задалась вопросом: сколько миллисекунд продержалось бы такое полотно в обычной школе? А еще она вспомнила о библиотеке с бесценными томами в коже с золотым тиснением. Разумеется, студенты «Вечерни» – уникальная группа детей, раз им доверяют такие сокровища.

Женщины поднялись на второй этаж, и Лили указала вверх, на третий.

– Жилые помещения находятся на следующем этаже. Комнаты студентов – в восточном крыле, спальни для учителей и гостей – в западном. Вы будете жить в старой части западного крыла, там в каждой комнате прекрасный камин. Летом это лучшее место во всем здании.

– А зимой?

– Зимой оно необитаемо. Если, конечно, вы не хотите всю ночь бодрствовать, подбрасывая поленья в огонь. Мы закрываем эту часть замка, когда наступает холодная зима. – Лили повела гостью по коридору второго этажа. – Давайте поглядим, закончил ли старина Паски.

– Кто-кто?

– Профессор Дэвид Паскантонио. Он преподает ботанику, клеточную биологию и органическую химию.

– Достаточно сложные предметы для старшеклассников.

– Старшеклассников? – Лили рассмеялась. – Мы начинаем давать эти предметы в средних классах. Двенадцатилетние куда умнее, чем принято считать.

Женщины проходили мимо открытых дверей и пустынных классов. Маура краем глаза увидела человеческий скелет, висевший на стенде, лабораторный стол и подставки для пробирок, настенную распашную таблицу, изображающую этапы мировой истории.

– Раз у вас начались летние каникулы, меня удивляет, что до сих пор идут какие-то занятия, – призналась Маура.

– В противном случае нам пришлось бы иметь дело с двумя десятками студентов, сходящих с ума от скуки. Нет уж, мы пытаемся чем-нибудь занимать их серые клеточки.

Они свернули за угол и наткнулись на огромную черную собаку, развалившуюся перед закрытой дверью. Завидев Мауру, пес тут же задрал голову и, бешено размахивая хвостом, устремился к ней.

– Ого! Волк! – Маура рассмеялась, когда пес поднялся на задние лапы. Две огромные передние легли ей на плечи, а влажный язык смачно мазнул по лицу. – Я смотрю, манеры твои не улучшились.

– Он явно счастлив видеть вас снова.

– И я тоже рада видеть тебя, – прошептала Маура, обнимая собаку.

Пес снова опустился на четыре лапы и – Маура готова была поклясться – улыбнулся.

– Тогда здесь я вас и оставлю, – сказала Лили. – Джулиан с нетерпением ждал вашего приезда, так что почему бы вам просто не войти в класс?

Помахав рукой на прощание, Маура так тихо проскользнула в классную комнату, что никто и не заметил ее появления. Она остановилась в уголке, наблюдая за тем, как лысый профессор в очках быстро пишет мелким почерком недельное расписание на грифельной доске.

– Ровно в восемь утра мы собираемся у озера, – проговорил он. – Если опоздаете, вы действительно останетесь в школе. И упустите возможность увидеть редкий

экземпляр аманита биспоригера[6 - Amanita bisporigera – смертельно ядовитый гриб рода мухомор. Растет преимущественно в смешанных лесах на востоке США, также в Канаде.], который только-только вырос после недавнего дождя. Прихватите с собой сапоги и дождевики. Возможно, будет грязно.

Даже со спины Мауре не составило труда отыскать среди студентов, собравшихся вокруг демонстрационного стола профессора Паскантонио, Джулиана «Крыса» Перкинса. В свои шестнадцать лет он уже был сложен как взрослый мужчина, с широкими плечами, которые казались еще более мускулистыми, чем были в момент их последней встречи. На эти самые плечи она опиралась прошлой зимой, когда они вместе боролись за жизнь в горах Вайоминга, и эта борьба сковала их крепкими и долговечными узами. Джулиан стал Мауре почти сыном, ближе она никогда не сходилась с ребенком, и сейчас с гордостью наблюдала, как прямо он стоит, как внимательно слушает, даже несмотря на то, что профессор Паскантонио жужжит, словно комар.

– Я хочу, чтобы вы сдали доклады о ядовитых растениях к пятнице, до того как большинство из вас уедет на экскурсию в Квебек. И не забудьте о викторине по угадыванию грибов, которая будет в среду. Все свободны.

Повернувшись, Джулиан заметил Мауру и просиял. В два шага он оказался возле нее, уже раскрыв руки для объятия. Однако в последний момент, понимая, что на него смотрят одноклассники, Джулиан передумал и просто быстро уткнулся ей в щеку и неуклюже похлопал по плечу.

– Наконец-то вы приехали! Я ждал вас целый день.

– Что ж, теперь мы пробудем вместе две полные недели. – Маура откинула темную челку со лба парнишки и чуть задержала руку на его щеке, где с удивлением нащупала первые намеки на щетину. Уж слишком быстро он взрослел.

Джулиан вспыхнул от ее прикосновения, и Маура вдруг поняла, что некоторые студенты остались в классе и теперь стоят, наблюдая за ними. Большинству подростков неинтересен даже сам факт существования взрослых, но одноклассникам Джулиана, казалось, было любопытно, что это за чужачка вторглась в их мирок. По возрасту они были средне- и старшеклассниками, и одежда их тоже разнилась – от рваных джинсов на светловолосой девочке до

парадных брюк и оксфордской куртки на одном из мальчишек. Все они глазели на Мауру.

– Вы судмедэксперт, – проговорила девочка в мини-юбке. – Мы знали, что вы приедете.

Маура улыбнулась:

– Джулиан рассказывал обо мне?

– Да почти все время. Вы будете у нас преподавать?

– Преподавать? – Маура взглянула на Джулиана. – Вообще-то, не собиралась.

– Мы хотели бы послушать о судебной патологоанатомии, – заявил мальчик-азиат. – На биологии мы вскрываем лягушек и зародышей свиней, но это простая анатомия. Это не так круто, как то, что вы делаете с мертвецами.

Маура оглядела нетерпеливые лица детей. Как и в случае с прочей публикой, их воображение разжигали многочисленные телесериалы о полицейских и детективные романы.

– Я не уверена, что это подходящая тема, – призналась Маура.

– Потому что мы дети?

– Судебная патология – предмет, который обычно читают студентам-медикам. Даже взрослые в большинстве своем находят эту дисциплину неприятной.

– А мы так не считаем, – заверил азиат. – Но может быть, Джулиан не рассказывал вам, кто мы.

«Чудаки», – усмехнулась про себя Маура, наблюдая за тем, как выходят из зала одноклассники Джулиана; процессия сопровождалась шарканьем и скрипом половиц. В воцарившейся тишине Волк тоскливо взвизгнул, помчался к Джулиану и лизнул его руку.

– «Кто мы такие»? Что он имел в виду? – поинтересовалась Маура.

– Как и подавляющее большинство его одноклассников, – ответил вместо мальчика преподаватель, – юный господин Чинн включает сначала рот, а затем уже мозг. В попытке расшифровать болтовню подростка нет абсолютно никакого смысла. – Мужчина угрюмо воззрился на Мауру поверх своих очков. – Я профессор Паскантонио. Джулиан говорил, что вы приедете на этой неделе, доктор Айлз. – Преподаватель бросил взгляд на парнишку, и его губы изогнулись в полуулыбке. – Кстати, он прекрасный студент. Ему бы только поработать над орфографией, делает безнадежно много ошибок. Но лучше других замечает в лесу необычные образцы растений.

Пусть комплимент был сдобрен критикой, Джулиан широко улыбнулся.

– Я работаю над орфографией, профессор.

– Хорошо вам погостить у нас, доктор Айлз, – пожелал Паскантонио, собирая с демонстрационного стола свои записи и образцы. – К счастью для вас, в это время года здесь тихо. Не так много ребятишек топочут, словно слоны, вверх и вниз по лестницам.

Маура заметила горстку сиреневых цветов, которую профессор держал в руках.

– Аконит.

Паскантонио кивнул:

– Аконтиум. Прекрасно.

Она осмотрела другие образцы растений, выложенные на столе профессором.

– Наперстянка. Фиолетовый паслен. Ревень.

– А это? – Преподаватель поднял ветку с засохшими листьями. – Будет совсем замечательно, если вы скажете, с какого цветущего кустарника она взята.

– С олеандра.

Паскантонио взглянул на собеседницу; в его глазах вспыхнул интерес.

– Который не растет в здешнем климате, но вы все равно узнали его. – Профессор почтительно наклонил лысую голову. – Я потрясен.

– Я выросла в Калифорнии, там олеандр встречается повсюду.

– Подозреваю, что, кроме всего прочего, вы занимаетесь садоводством.

– Но лишь как любитель. Я патологоанатом. – Маура бросила взгляд на образцы, собранные на столе. – Все это – ядовитые растения.

Профессор кивнул:

– И некоторые из них так красивы. Мы выращиваем аконит и наперстянку здесь, в нашем цветнике. Ревень растет в огороде. А фиолетовый паслен с такими прекрасными цветочками и ягодками вылезает повсюду, словно сорняк. Вокруг нас – красиво замаскированные орудия смерти.

– И вы учите этому детей?

– Им такие знания необходимы ничуть не меньше, чем всем остальным. Это напоминает им о том, что мир природы, как вам прекрасно известно, опасен. – Паскантонио переложил образцы на полку и принялся собирать свои записи. – Приятно познакомиться с вами, доктор Айлз, – добавил он и повернулся к Джулиану. – Господин Перкинс, визит вашей подруги не может служить оправданием для несданной домашней работы. Это я так, чтобы не оставалось неясностей.

– Да, сэр, – мрачно ответил Джулиан. Серьезное выражение его лица продержалось до того момента, пока профессор Паскантонио не удалился по коридору на достаточное расстояние и уже не мог их слышать. Тут парнишка громко рассмеялся. – Теперь вы понимаете, почему мы прозвали его Ядовитым Паски.

– Да, кажется, приветливым его не назовешь.

– Нет. С большим удовольствием он беседовал бы со своими растениями.

– Надеюсь, другие твои преподаватели не такие странные.

– Здесь они все странные. Именно поэтому тут так интересно. Как говорит мисс Соул, нормальное – это скучно.

Маура улыбнулась пареньку. И снова коснулась его щеки. На этот раз он не отстранился.

– Похоже, тебе здесь нравится, Крыс. Ты со всеми ладишь?

– Куда лучше, чем дома.

Дома, в Вайоминге, Джулиана никто не щадил. В школе он был записным двоечником, над ним издевались, его высмеивали; он был известен не достижениями в учебе, а стычками с законом и драками на школьном дворе. Казалось, в свои шестнадцать лет он был создан для тюремной камеры.

Так что, говоря о странностях, Джулиан был в чем-то прав. Он никогда не был нормальным и уже не станет таким. Брошенный родной семьей, оказавшийся в одиночестве в диких местах, он научился полагаться только на себя. Он убил человека. И хотя это убийство было самообороной, проливая чужую кровь, ты меняешься раз и навсегда, и Маура не раз задумывалась, насколько сильны мучащие его воспоминания.

Джулиан взял ее за руку:

– Пойдемте, я покажу вам школу.

– Госпожа Соул показала мне библиотеку.

– А в своей комнате вы уже были?

– Нет.

– Она в старом крыле, куда селят всех важных гостей. Именно там останавливается господин Сансоне, когда навещает нас, хотя его давно уже не было. В вашей комнате большой каменный камин. Когда приезжала тетя Брайаны, она забыла открыть дымоход, и помещение наполнилось дымом. Пришлось эвакуировать все здание. Так что вы не забудьте, ладно? О дымоходе.

«И не опозорьте меня», – хотел сказать парнишка.

– Я не забуду. А кто такая Брайана?

– Просто одна девочка.

– Просто девочка? – Темноволосый, с пронзительным взглядом, Джулиан постепенно становился красивым мужчиной; когда-нибудь он будет привлекать много женского внимания. – Поподробней, пожалуйста.

– В ней нет ничего особенного.

– Это ее я только что видела на уроке?

– Да. У нее длинные черные волосы. И очень короткая юбка.

– А! Ты имеешь в виду хорошенькую.

– Ну, видимо.

Маура рассмеялась:

– Да ладно тебе! Только не говори, что ты этого не заметил.

– Ну заметил, конечно. Только она все-таки зараза. Пусть даже мне жаль ее.

– Жаль? Почему?

Джулиан бросил взгляд на Мауру:

– Она оказалась здесь, потому что убили ее маму.

И тут Маура пожалела, что с такой беспечностью стала интересоваться подружками Крыса. Мальчишки-подростки были для нее загадкой – неуклюжие создания с большими ногами и вскипающими гормонами, порой такие беззащитные, а порой – холодные и очень отдаленные. Пусть Мауре страшно хотелось стать ему матерью, но идеально справиться с этой задачей ей не удастся – по-настоящему, у нее никогда не появится материнский инстинкт.

Маура молча шла за Джулианом по коридору третьего этажа, увешанному картинами с изображением средневековых деревень, столов с угощениями и Мадонны с Младенцем и ликом оттенка слоновой кости. Комната, предназначенная для доктора Айлз, располагалась почти в самом конце коридора. Переступив порог, Маура увидела, что ее чемодан уже на месте и поставлен на специальную полку вишневого дерева. Из полукруглого окна открывался вид на обнесенный оградой сад с каменными статуями. На ограду, словно вражеская армия, напирал лес.

– Ваши окна смотрят на восток, так что завтра утром вы сможете встретить красивый рассвет.

– Здесь отовсюду открываются прекрасные виды.

– Господин Сансоне решил, что вам понравится эта комната. Она самая тихая.

– Он бывал здесь в последнее время? – поинтересовалась Маура, по-прежнему стоя у окна, не оборачиваясь к Крысу.

– Он приезжал примерно месяц назад. Господин Сансоне всегда присутствует на заседаниях школьного совета «Вечерни».

– И когда же очередное заседание?

– Теперь только в следующем месяце. – Джулиан помолчал немного. – Он ведь нравится вам, верно?

Молчание разоблачало Мауру.

– Он проявлял великодушие, – как ни в чем не бывало ответила она. И повернулась лицом к парнишке. – Мы оба ему очень обязаны.

– Неужели вы можете сказать о нем только это?

– А что же еще?

– Ну вы же спрашивали меня о Брайане. Я подумал, что могу спросить о господине Сансоне.

– Я поняла, – призналась Маура.

Но этот вопрос повис в воздухе, и она не знала, что ответить. «Он ведь нравится вам, верно?»

Маура обернулась и взглянула на украшенную богатой резьбой кровать с пологом на четырех столбиках, на дубовый гардероб. Вероятно, этот антиквариат тоже из дома Сансоне. Пусть этого человека сейчас не было здесь, Маура во всем чувствовала его влияние – от бесценных произведений искусства до библиотечных книг в кожаных переплетах. Уединенность замка, запертые ворота и ведущая к ним частная дорога отражали отношение Сансоне к вопросам безопасности. Над камином висело неприятное напоминание. Портрет маслом, изображавший высокомерного мужчину в охотничьем плаще – на плече у него лежала винтовка, а сапог свой он поставил на убитого оленя.

– Это Сирил Магнус, – пояснил Джулиан.

– Человек, построивший замок?

– Он очень любил охоту. На чердаке полно чучел животных – он свез эти трофеи со всего мира. Раньше они висели в обеденном зале, а потом доктор Уэлливер сказала, что все эти головы портят ей аппетит, и попросила господина Романа снять их. Они долго спорили о том, превозносят ли трофеи насилие. В конце концов директор Баум заставил всех голосовать, даже студентов. И тогда головы сняли.

Маура не знала людей, о которых рассказывал парнишка, – очередное грустное напоминание, что она не имеет отношения к здешнему миру Джулиана, что теперь у него есть своя собственная, независимая жизнь. Она уже чувствовала себя брошенной.

– …и теперь доктор Уэлливер и господин Роман спорят о том, нужно ли учить студентов охотиться. Господин Роман говорит «да», потому что это древнее искусство, но доктор Уэлливер считает это варварством. Тогда господин Роман указал, что доктор Уэлливер ест мясо, а потому сама становится варваром. Черт, как же она рассвирепела!

Пока Маура вытаскивала из чемодана джинсы и сапоги для прогулок, вешала в гардероб блузы и платье, Джулиан болтал о своих одноклассниках и учителях, о катапульте, которую они соорудили на занятиях у госпожи Соул, об экскурсии на природу, когда в их лагерь забрел черный медведь.

– И я готова поклясться, что именно ты прогнал его прочь, – с улыбкой сказала Маура.

– Нет, его напугал господин Роман. Ни один медведь не станет связываться с господином Романом.

– Значит, он и вправду страшный человек.

– Он лесничий. Вы познакомитесь с ним сегодня вечером, за ужином. Если он появится.

– Он может обходиться без еды?

– Он избегает доктора Уэлливер из-за ссоры, о которой я вам рассказывал.

Маура закрыла ящик туалетного столика.

– И кто же такая эта доктор Уэлливер, которая испытывает ненависть к охоте?

– Она наш психолог. Я хожу к ней каждый четверг.

Обернувшись, Маура нахмурилась:

– Зачем?

– Затем, что у меня есть проблемы. Как и у всех здесь.

– О каких проблемах ты говоришь?

Парнишка с удивлением взглянул на Мауру:

– Я думал, вы знаете. Именно поэтому я здесь, именно поэтому все наши студенты попали в «Вечерню». Потому что все мы отличаемся от обычных детей.

Маура вспомнила занятие, на котором только что побывала, вспомнила два десятка студентов, собравшихся вокруг демонстрационного стола Ядовитого Паски. Они показались ей обычными, среднестатистическими американскими подростками.

– И чем же вы таким отличаетесь? – спросила она.

– Тем, как я потерял маму. По этой же причине все здешние ребята отличаются от других.

– Остальные студенты тоже потеряли родителей?

– Некоторые – да. А другие – братьев или сестер. Доктор Уэлливер помогает нам справляться с яростью. Ночными кошмарами. «Вечерня» учит нас, как защититься.

Маура подумала о том, как погибла мама Джулиана. Подумала о том, как насилие наносит отпечаток на родню, округу, целые поколения. «„Вечерня“ учит нас, как защититься».

– Говоря, что другие ребята потеряли родителей, братьев или сестер, – догадалась Маура, – ты имеешь в виду, что…

– Убийство, – ответил парнишка, – вот что нас объединяет.

8

Сегодня в обеденном зале появилось новое лицо.

Джулиан несколько недель рассказывал об этой гостье, докторе Айлз, и о том, как она работает в бостонском бюро судмедэкспертизы – режет мертвецов. Он ни разу не обмолвился о том, что она еще и красавица. Худая, темноволосая, со спокойным внимательным взглядом, она так походила на Джулиана, что их вполне можно было счесть матерью и сыном. К тому же доктор Айлз и смотрела на Джулиана так, как мама глядела бы на сына, – с очевидной гордостью ловя каждое его слово.

Больше никто и никогда не будет смотреть так на меня, подумала Клэр Уорд.

Сидя, как всегда, подальше от других, в уголке, она наблюдала за доктором Айлз, за тем, как изящно эта женщина орудовала ножом и вилкой, разрезая мясо. С этого стола Клэр было видно все, что происходит в обеденном зале. Одиночество ее не беспокоило – в такой ситуации ей не нужно было вести бессмысленные разговоры и она могла спокойно наблюдать за тем, что делают другие. К тому же в этом углу ей было удобнее всего – девочка сидела спиной к стене и к ней никто не смог бы подкрасться.

Сегодня на ужин давали консоме, молодой зеленый салат, говядину по-веллингтонски с жареной картошкой и спаржей и лимонную тарталетку на десерт. Это означало, что придется жонглировать целой кучей ложек, вилок и других приборов, что страшно смутило Клэр месяц назад, когда она только приехала в «Вечерню». В доме Барбары и Боба Бакли в Итаке ужинали обычно куда проще, пользуясь только ножом, вилкой и парочкой бумажных салфеток.

Там никогда не ели говядину по-веллингтонски.

Клэр тосковала по Бобу и Барбаре куда больше, чем могла себе представить. Скучала по ним почти так же, как по своим родителям, которые умерли два года

назад и оставили после себя до боли мутные воспоминания, день за днем все больше ускользавшие от нее. А вот гибель Боба и Барбары до сих пор мучила Клэр: девочке было больно, потому что все это случилось из-за нее. Если бы она не выскользнула из дома тем вечером, если бы Бобу и Барбаре не пришлось искать ее, они остались бы в живых.

«Но теперь они умерли, – подумала Клэр, – а я ем лимонную тарталетку».

Девочка опустила вилку и пристально взглянула вдаль, но не на студентов, которые в большинстве своем не обращали на нее внимания, так же как и она на них. Клэр снова сосредоточила внимание на столе, за которым сидели Джулиан и доктор Айлз. Женщина, разрезающая мертвецов. Обычно Клэр избегала смотреть на взрослых, потому что они заставляли ее нервничать и задавали слишком много вопросов. Особенно доктор Анна Уэлливер, школьный психиатр, с которой Клэр проводила послеобеденные часы каждую среду. Доктор Уэлливер была милой женщиной, полненькой и кудрявой, этакая добрая бабушка, но все время задавала одни и те же вопросы. Есть ли у Клэр проблемы со сном? Что она помнит о своих родителях? Стали ли реже сниться кошмары? Словно разговоры и размышления об этом способны были прогнать жуткие сны.

«У всех здесь есть кошмары», – подумала девочка.

Окидывая взглядом обеденный зал и всех своих однокашников, Клэр замечала то, что обычный наблюдатель, вероятно, упустил бы. Девочка видела, как Лестер Гримметт поглядывает на дверь, чтобы убедиться – путь к отступлению свободен. Замечала, что предплечья Артура Тумза покрывают уродливые шрамы от ожогов. Что Бруно Чинн с бешеной скоростью засовывает еду в рот, опасаясь воображаемого похитителя, который может отнять ее у него. «Все мы меченые, – подумала она, – но некоторые наши шрамы заметнее прочих».

Клэр коснулась своей метки. Она была спрятана под длинными светлыми волосами – рубец на том самом месте, где хирурги рассекли кожу ее головы и распилили череп, чтобы удалить кровь и осколки пуль. Этот шрам не был виден окружающим, но девочка никогда не забывала, что он там.

Лежа без сна прошлой ночью, Клэр потерла рубец и задумалась: а как выглядит мозг, находящийся под ним? Неужели на мозгах тоже бывают шрамы, напоминающие этот узловатый участок кожи головы? Один из врачей – девочка

не помнила его имя, в той лондонской больнице их было полным-полно, – говорил, что детский мозг заживает лучше взрослого, мол, ей повезло, что в нее стреляли, когда ей было всего одиннадцать лет. Этот глупый врач на самом деле употребил слово «повезло». В общем и целом он был прав насчет выздоровления. Клэр могла ходить и говорить, как все остальные. Но учеба теперь доставала, потому что она была не в состоянии сосредоточить внимание на чем-либо дольше чем на десять минут и слишком быстро теряла самообладание, да так, что пугалась и стыдилась собственных приступов гнева. Пусть она выглядела невредимой, но Клэр знала, что это не так. Девочка знала, что именно из-за этой травмы лежит сейчас без сна среди ночи. Как обычно.

Не было смысла терять время в кровати.

Клэр встала и включила свет. Три ее соседки уехали домой на лето, поэтому сейчас комната принадлежала ей одной и Клэр могла уходить и приходить так, что этого никто не замечал. Через несколько секунд девочка оделась и выскользнула в коридор.

Именно в этот момент Клэр заметила отвратительную записку, приклеенную ей на дверь: «Трозг мавмирован!»

Опять эта сучка Брайана, решила девочка. Та самая Брайана, которая шептала «тормоз» каждый раз, когда Клэр проходила мимо, та, что истерически хохотала в классе, когда Клэр спотыкалась о чью-нибудь оперативно подставленную ногу. В ответ Клэр подложила ей в кровать пригоршню склизких земляных червей. Вопли Брайаны стоили ее усилий!

Клэр оторвала записку, вернулась в свою комнату за ручкой и быстро приписала: «Погляди-ка лучше на свое постельное белье». Клэр на ходу прилепила записку на дверь Брайаны и продолжила путь мимо спален других студентов. Ее тень порхала по стене лестничного колодца так, словно это какой-то дух, ее двойник, спускался по ступеням рядом с ней. Клэр переступила порог главного входа и вышла на лунный свет.

Ночь оказалась до странности теплой, а ветер нес аромат сухой травы, словно дул он откуда-то издалека, где пахнет прериями, пустыней и теми краями, куда она никогда не попадет. Клэр сделала глубокий вдох и впервые за весь день почувствовала себя по-настоящему свободной. Свободной от занятий, учителей,

которые наблюдали за ней, от Брайаны с ее издевками.

Клэр спустилась вниз по каменным ступеням – в ярком лунном свете она хорошо видела, куда ступает. Впереди раскинулось озеро, и рябь на его воде, словно усыпанной стразами, звала и манила девочку. Она уже начала было снимать футболку, стремясь погрузиться в шелковистые воды.

– Ты снова вышла, – проговорил чей-то голос.

Обернувшись, Клэр увидела отделившуюся от дерева фигуру. По коренастому силуэту девочка тут же узнала, кто это. Уилл Яблонски вышел на лунный свет, и Клэр увидела его щекастое лицо. Ей стало любопытно: а знает ли мальчик, что за его спиной Брайана шепчет «большая белая булка»? «Это у меня с Уиллом точно общее, – подумала она. – Мы не крутые».

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовалась Клэр.

– Я смотрел в телескоп. Но теперь взошла луна, так что я уже упаковал его на ночь. – Мальчик указал на озеро. – Вон там, у воды, очень хорошее место. Удобно изучать небосвод.

– А что ты там ищешь?

– Комету.

– Ты уже видел ее?

– Нет, я имею в виду новую комету. О которой еще нигде не сообщалось. Астрономы-любители постоянно обнаруживают такие кометы. Например, есть парень по имени Дон Махольц, он обнаружил целых одиннадцать штук, а ведь он такой же любитель, как я. Если я смогу обнаружить комету, мне нужно будет назвать ее. Например, комета Когоутека, или комета Галлея, или комета Шумейкеров – Леви.

– И как же ты назовешь свою?

– Комета Нила Яблонски.

Клэр рассмеялась:

– Да уж, звучное имечко!

– Я не считаю его таким уж плохим, – тихо возразил мальчик. – Это в память о моем папе.

Услышав печаль в голосе парнишки, Клэр пожалела, что рассмеялась.

– Ну да, думаю это очень даже неплохо. Назвать комету именем твоего папы, – проговорила она. Даже несмотря на то, что «комета Нила Яблонски» и правда звучит глупо.

– Я видел тебя здесь несколько дней назад, – сказал мальчик. – А что ты делаешь на улице?

– Я не могу заснуть. – Клэр повернулась к воде и представила, что переплывает озера, океаны. Темные воды не пугали ее, а, наоборот, бодрили, словно она была русалкой, возвращающейся домой. – Я почти не сплю. С того самого момента…

– А кошмары тебе снятся? – осведомился Уилл.

– Я просто не могу спать. Потому что у меня поврежден мозг.

– Что ты имеешь в виду?

– У меня есть шрам на голове, вот здесь, где врачи распиливали мой череп. Они вытаскивали осколки от пуль, и там все повредилось. Я не могу спать.

– Люди должны спать, иначе они умирают. Как ты без этого обходишься?

– Я просто-напросто не сплю столько, сколько остальные. Несколько часов, не больше. – Клэр вдохнула пахнущий летом воздух. – И все равно я люблю ночь. Люблю тишину. Мне нравится, что кругом звери, которых не увидишь днем, – например, совы и скунсы. Иногда я иду гулять в лес и вижу, как светятся их глаза.

– Ты помнишь меня, Клэр?

Вопрос, который мальчик задал так тихо, заставил ее удивленно обернуться.

– Я ведь вижу тебя каждый день на занятиях, Уилл.

– Нет, я имею в виду – ты помнишь, что видела меня еще где-то? До того, как мы оказались в «Вечерне»?

– Я тебя раньше не знала.

– Ты уверена?

Клэр пристально взглянула на Уилла в лунном свете. И увидела большую голову с круглым лицом. В этом была особенность Уилла – он казался очень большим, от головы до громадных ступней. Большой и мягкий, как зефирка.

– О чем это ты?

– Когда я только приехал сюда и увидел тебя в обеденном зале, у меня появилось это странное чувство. Как будто бы я встречался с тобой раньше.

– Я жила в Итаке. А ты где?

– В Нью-Гемпшире. С тетей и дядей.

– Я ни разу не была в Нью-Гемпшире.

Уилл придвинулся к девочке так близко, что его большая голова закрыла восходящую луну.

– А раньше я жил в Мэриленде, два года назад, когда мама и папа были еще живы. Это говорит тебе о чем-нибудь?

Клэр покачала головой:

– Я бы не запомнила. Я своих-то маму и папу с трудом вспоминаю. Какие у них были голоса. Как они смеялись и чем пахли.

– Это ужасно грустно. Грустно, что ты не помнишь их.

– У меня есть альбомы с фотографиями. Но я редко их смотрю. Будто бы разглядываешь изображения чужих людей.

От прикосновения Уилла девочка вздрогнула и отшатнулась. Ей не нравилось, когда к ней прикасались. Не нравилось с тех пор, как она пришла с себя в той лондонской больнице; там прикосновение означало очередной укол иглы, то, что кто-то еще, пусть даже с хорошими намерениями, снова причинит боль.

– «Вечерня» должна теперь стать нашей семьей, – пояснил он.

– Ага. – Клэр фыркнула. – Доктор Уэлливер постоянно об этом толкует. Что мы большая счастливая семья.

– Приятно в это верить, верно? Что все мы заботимся друг о друге.

– Конечно. А еще я верю в зубную фею. Люди не заботятся друг о друге. Они только о себе заботятся.

Между деревьями мелькнул луч света. Клэр развернулась, заметила подъезжавшую машину и вдруг помчалась к ближайшим зарослям кустарника. Уилл последовал за ней, шумно, словно лось, передвигая своими огромными ногами. Он плюхнулся рядом с Клэр.

– Кто это приехал в такое время? – прошептал он.

Во дворе остановился темный седан, из него вышел мужчина, высокий и стройный, как пантера. Незнакомец не задержался возле автомобиля, а в ночь он вглядывался так, словно во тьме мог обнаружить нечто невидимое для всех остальных. На один безумный момент Клэр даже подумала, что он смотрит прямо на нее, и опустилась чуть ниже, чтобы спрятаться от всевидящего взора под кустом.

Парадная дверь школы распахнулась, выпустив во двор свет, и на пороге возник директор Готфрид Баум.

– Энтони! – крикнул он. – Спасибо, что приехал так быстро!

– Тревожные обстоятельства.

– Судя по всему. Заходи, заходи. Твоя комната готова, и тебя ждет ужин.

– Я поел в самолете. Нам нужно перейти прямо к делу.

– Разумеется. Доктор Уэлливер отслеживала бостонские события. Она может посодействовать, если это необходимо.

Парадная дверь захлопнулась. Клэр поднялась на ноги – ей стало любопытно, кто же такой этот странный гость. И почему директор Баум казался таким встревоженным.

– Сейчас я осмотрю эту машину, – сказала девочка.

– Не надо, Клэр, – запротестовал Уилл.

Но она уже приближалась к седану. Капот был еще теплым с дороги, вощеная поверхность поблескивала в лунном свете. Девочка прошлась вокруг автомобиля, поглаживая его рукой. По эмблеме на капоте она поняла, что это «мерседес». Черный, гладкий, дорогой. Машина богача.

И конечно же, автомобиль был заперт.

– Кто он? – поинтересовался Уилл.

Мальчик наконец-то нашел в себе смелость выйти из-за куста и теперь остановился возле Клэр.

Она взглянула на западное крыло, где в освещенном окне на мгновение мелькнул силуэт. Затем вдруг занавески задернулись, и больше ничего видно не

было.

– Мы знаем, что его зовут Энтони.

9

Той ночью Мауре не удалось крепко заснуть.

Вероятно, дело было в незнакомой постели, а может, всему виной здешняя тишь, такая глубокая, что, казалось, сама ночь, ожидая чего-то, затаила дыхание. Когда она проснулась в третий раз, уже взошла луна; она светила прямо в ее окно. Маура не стала задергивать шторы, чтобы впустить свежий воздух, и теперь ей пришлось выбраться из кровати, чтобы с помощью штор отгородиться от света. Задержавшись у окна, она взглянула на раскинувшийся внизу сад. Он тонул в лунном сиянии; каменные статуи светились, словно призраки.

«Неужели одна из них только что пошевелилась?» – не поверила своим глазам Маура.

Она стояла, вцепившись в занавески, и пристально глядела на статуи, которые напоминали шахматные фигуры в окружении стриженых кустов. На фоне этого призрачного пейзажа двигалась тонкая фигурка с длинными серебристыми волосами и изящными, как у нимфы, конечностями. По саду прогуливалась девочка.

По коридору мимо ее двери заскрипели шаги. До Мауры донеслись мужские голоса.

– …мы пока не уверены, реальна ли угроза, однако доктор Уэлливер, похоже, убеждена в этом.

– Судя по всему, полиция контролирует ситуацию. Нам остается только наблюдать и ждать.

«Я знаю этот голос», – подумала Маура. Она натянула халат и открыла дверь.

– Энтони! – позвала доктор Айлз.

Энтони Сансоне повернулся к ней лицом. Весь в черном, он стоял рядом с Готфридом Баумом, который был куда ниже его; в слабоосвещенном коридоре Сансоне казался жутковатой, почти зловещей фигурой. Маура обратила внимание на его помятую одежду, усталые глаза и поняла: путешествие было долгим.

– Простите, если я разбудил вас, Маура, – извинился он.

– А я и не знала, что вы собираетесь приехать в школу.

– Мне необходимо решить несколько вопросов.

Сансоне улыбнулся, но усталая улыбка не коснулась его глаз. В коридоре чувствовалось напряжение, которое настораживало Мауру. Его можно было заметить по лицу Готфрида Баума и по холодной отстраненности, с которой Сансоне обратился к доктору Айлз. Он никогда не был открытым, приветливым человеком, и Маура порой даже задумывалась: а вдруг он ее терпеть не может? Сегодня скрытность Сансоне казалась совершенно непробиваемой.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказала она. – Насчет Джулиана.

– Разумеется. Может быть, утром? Я пробуду здесь до вечера.

– Вы приехали так ненадолго?

Он пожал плечами, словно извиняясь:

– Я бы с радостью пробыл здесь дольше. Но свои опасения вы всегда можете обсудить с Готфридом.

– У вас есть какие-то опасения, доктор Айлз? – удивился Готфрид.

– Да, есть. Они касаются того, почему Джулиан оказался здесь. Ведь «Вечерня» не просто интернат и не просто пансион, верно?

Маура заметила, что мужчины переглянулись.

– Эту тему лучше оставить до завтра, – решил Сансоне.

– Мне очень нужно обсудить ее. Пока вы снова не исчезли.

– Мы обсудим ее, обещаю. – Он отрывисто кивнул. – Доброй ночи, Маура.

Озадаченная его отстраненностью, Маура закрыла дверь. В последний раз они беседовали всего два месяца назад, когда он привез Джулиана к ней домой на каникулы. Они немного постояли на веранде, улыбнулись друг другу, и, казалось, Сансоне не хотел уезжать. «А может, мне просто померещилось? – засомневалась Маура. – Разве я когда-нибудь разбиралась в мужчинах?»

Список ее свершений на этом поприще выглядел печально. Последние два года она никак не могла выпутаться из отношений с недоступным для нее человеком; Маура знала, что эта история плохо кончится, но, словно наркоманка, была не в силах устоять. К этому, собственно, и сводится влюбленность – к тому, что мозг подвергается воздействию наркотиков. Адреналина и дофамина, окситоцина и серотонина. Гормональное бешенство, воспетое поэтами.

«Клянусь, на этот раз я буду умнее», – заключила Маура.

Она вернулась к окну, чтобы задвинуть занавески и отрезать лунный свет, еще один известный источник безумия, прославляемый теми же самыми безмозглыми поэтами. Только потянувшись к занавескам, она вспомнила о фигуре, которую приметила раньше. Бросив пристальный взгляд в сад, Маура увидела статуи на фоне серебристого пейзажа, состоявшего из теней и лунного света. Никакого движения там не было.

Девочка исчезла.

«А была ли она там?» – задумалась Маура следующим утром, выглянув в то же самое окно и увидев садовника; он сидел на корточках, сжимая в руке садовые ножницы. Громко и с удовольствием закукарекал петух, провозглашая свои полномочия. Утро казалось совершенно обычным – светило солнце, снова и снова

кричал петух. А вчера ночью под лунным светом все казалось совершенно неземным.

Кто-то постучал в дверь. Это была Лили Соул, которая весело приветствовала ее словами:

– Доброе утро! Мы собираемся в антикварном зале. Присоединяйтесь, если хотите.

– А что это за собрание?

– Оно касается ваших тревог по поводу «Вечерни». Энтони сказал, что у вас есть вопросы, и мы готовы ответить на них. – Лили указала в сторону лестничного колодца. – Это внизу, прямо напротив библиотеки. Там нас ожидает кофе.

Зайдя в антикварный зал, Маура поняла, что ее ожидает нечто большее, чем кофе. Вдоль стен были расставлены стеклянные шкафы, наполненные артефактами – резными фигурками и каменными орудиями труда, наконечниками стрел и костями животных. Пожелтевшие таблички говорили о том, что это старинная коллекция; возможно, она принадлежала еще Сирилу Магнусу. В любое другое время она наверняка постояла бы возле этих сокровищ, но сейчас за массивным дубовым столом уже сидели пять человек, требовавших ее внимания.

Поднявшись со своего стула, Сансоне сказал:

– Доброе утро, Маура. Вы уже знакомы с нашим директором, Готфридом Баумом. Рядом с ним госпожа Дюплесси, преподаватель литературы. Наш профессор ботаники, Дэвид Паскантонио. А это доктор Анна Уэлливер, психолог нашей школы. – Жестом он указал на улыбающуюся ширококостную женщину, сидевшую справа от него.

Доктор Уэлливер, на вид шестидесяти с небольшим лет, с непослушной гривой седых кудряшек, в старомодном платье с воротничком-стоечкой, походила на стареющую хиппи.

– Прошу вас, доктор Айлз, – проговорил Баум, указывая на кофейник и блюдо с круассанами и джемами, – угощайтесь.

Когда Маура заняла место рядом с директором Баумом, Лили поставила перед ней дымящуюся чашку кофе. Маслянистые круассаны выглядели очень соблазнительно, однако Маура, глотнув кофе, сосредоточила внимание на Сансоне, который глядел на нее с противоположного конца стола.

– У вас есть вопросы по поводу нашей школы и студентов, – начал он. – Вот люди, которые могут на них ответить. – Кивком он указал на сидевших за столом компаньонов. – Пожалуйста, Маура, скажите, что вас волнует.

Официоз, не характерный для Энтони, а также вся обстановка – шкафы с диковинками и малознакомые люди – нервировали ее.

– Я полагаю, «Вечерня» не подходит для Джулиана, – так же торжественно произнесла Маура.

Директор Баум удивленно приподнял брови:

– Разве он сказал вам, что ему здесь плохо, доктор Айлз?

– Нет.

– Вы считаете, что ему плохо?

Она немного помолчала.

– Нет.

– Тогда что же вызывает ваши опасения?

– Джулиан рассказывал мне о своих соучениках. Сообщил, что очень у многих родственники умерли насильственной смертью. Верно ли это?

Баум кивнул:

– Верно, у многих.

– У многих? Или у большинства?

Он примирительно пожал плечами:

– У большинства.

– Значит, это школа для пострадавших.

– Бог мой, не для пострадавших, – возразила доктор Уэлливер. – Нам больше нравится считать их уцелевшими. У них особые потребности. И мы прекрасно знаем, как им помочь.

– Вы здесь именно поэтому, доктор Уэлливер? Чтобы заниматься их особыми эмоциональными потребностями?

Доктор Уэлливер наградила ее снисходительной улыбкой.

– Во многих школах есть психологи-консультанты.

– Но они не берут специалистов в штат.

– Верно. – Психолог обвела взглядом своих коллег. – Мы с гордостью можем сказать, что в этом смысле мы уникальны.

– Уникальны потому, что специализируетесь на травмированных детях. – Маура оглядела стол. – Точнее, вы их набираете.

– Маура, – заговорил Сансоне, – организации, занимающиеся защитой детей по всей стране, отправляют детей к нам, поскольку мы можем предложить то, на что не способны другие школы. Чувство защищенности. Осознание порядка.

– И осознание призвания? На самом деле вы ведь это пытаетесь им внушить? – Маура бросила взгляд на лица всех шестерых, сидевших за столом. – Вы члены Общества Мефисто. Верно?

– Может быть, не станем менять тему? – предложила доктор Уэлливер. – И сосредоточимся на том, что мы делаем здесь, в «Вечерне»?

– Я как раз и говорю о «Вечерне». Ведь вы используете ее, чтобы завербовать солдат для параноидальной миссии вашей организации.

– Параноидальной? – Доктор Уэлливер изумленно усмехнулась. – Такой диагноз я вряд ли поставила бы кому-нибудь из сидящих в этом зале.

– Общество Мефисто считает, будто зло реально. Вы полагаете, что человечество под ударом и ваша задача защитить его.

– Неужели вы думаете, что мы здесь занимаемся этим? Готовим охотников на дьявола? – Уэлливер потрясенно покачала головой. – Поверьте, нашу роль вряд ли можно счесть метафизической. Мы помогаем детям оправиться от насилия и трагедии. Мы организуем их жизненный уклад, даем безопасность и великолепное образование. Мы готовим их к университету или к тому, чего они сами хотят достичь. Вчера вы были на занятии у профессора Паскантонио. И видели, как заинтересованы были студенты даже таким предметом, как ботаника.

– Профессор показывал им ядовитые растения.

– Именно поэтому они и проявляли любопытство, – заметил Паскантонио.

– Потому что подтекст – убийство? Какими растениями можно умертвить.

– Это ваше толкование. Другие посчитали бы это занятие уроком безопасности. Как узнать то, что может принести вред, и избежать этого.

– Что еще вы здесь преподаете? Баллистику? Криминалистику?

Паскантонио пожал плечами:

– На уроке физики все это вполне уместно. Почему это вызывает у вас возражения?

– Я возражаю, потому как вы используете детей, чтобы удовлетворить собственные интересы.

– В борьбе против насилия? Против зла, которое человек причиняет человеку? – Паскантонио фыркнул. – Вы говорите так, будто мы насильно даем им наркотики и готовим бандитов.

– Мы помогаем им оправиться, доктор Айлз, – проговорила Лили. – Мы знаем, что такое пострадать от преступления. Мы помогаем им найти смысл в боли. Такой же, какой находим сами.

«Мы знаем, что это такое», – сказала она. Да, Лили Соул действительно знает: всех ее родных убили. И Сансоне тоже потерял отца в результате убийства.

Глядя на лица всех шестерых собравшихся здесь людей, Маура ощутила холодную волну догадки.

– Каждый из вас потерял кого-то, – поняла она.

Готфрид печально кивнул.

– Жену, – пояснил он. – Вооруженное ограбление в Берлине.

– Сестру, – подхватила госпожа Дюплесси. – Ее изнасиловали и задушили в Детройте.

– Мужа, – склонив голову, тихо произнесла доктор Уэлливер. – Его похитили и убили в Буэнос-Айресе.

Маура повернулась к Паскантонио, но тот молча смотрел в стол. Он не ответил на вопрос, но в этом не было необходимости. Ответ был написан у него на лице. Внезапно Маура вспомнила о своей сестре-близняшке, убитой всего несколько лет назад. И вдруг поняла: «Я ведь тоже принадлежу к их кругу. Оплакиваю родственницу, погибшую насильственной смертью».

– Мы понимаем этих детей, – продолжила доктор Уэлливер. – Именно поэтому «Вечерня» – лучшее место для них. А может быть, единственное. Все мы похожи.

Мы одна семья.

– Пострадавших.

– Не пострадавших. Мы смогли выжить.

– Пусть ваши студенты сумели выжить, – ответила Маура. – Однако прежде всего – они просто дети. И не способны сделать самостоятельный выбор. Не способны возразить.

– Возразить – против чего? – удивилась доктор Уэлливер.

– Против вступления в вашу армию. Вы ведь так о себе думаете – как об армии праведников. Собираете травмированных и превращаете их в воинов.

– Мы воспитываем детей. Учим, как отвести от себя беды.

– Нет, вы держите их там, где они никогда не смогут забыть о своих бедах. Окружая их другими пострадавшими, вы отбираете у них возможность увидеть мир таким, каким его видят обычные дети. Вместо света они видят тьму. Они видят зло.

– Потому что оно существует. Зло, – прошептал Паскантонио. Он сидел на своем стуле, сгорбившись и по-прежнему не поднимая головы. – Доказательства они получают из собственного опыта. Они просто видят то, что, как им уже известно, существует. – Медленно подняв голову, профессор посмотрел на Мауру очень светлыми влажными глазами. – Точно так же, как и вы.

– Нет, – возразила она. – То, что я вижу по работе, – результат насилия. А то, что вы называете злом, – всего-навсего философский термин.

– Называйте как хотите. Эти дети знают правду. Она прожгла след в их памяти.

– Мы обеспечиваем их знаниями и навыками, с помощью которых можно изменить этот мир, – разумно проговорил Готфрид. – Мы вдохновляем их на действия точно так же, как другие частные школы. В военных академиях обучают дисциплине. В религиозных школах – набожности. В колледжах делают

упор на науку.

– А в «Вечерне»?

– Мы учим сопротивляемости, доктор Айлз, – ответил Готфрид.

Маура обвела взглядом стол, всех этих миссионеров. А завербованы ими травмированные и уязвимые дети, у которых не было выбора.

Она поднялась с места:

– Джулиану это не подходит. Я найду для него другую школу.

– Боюсь, вы не можете принимать такие решения, – возразила доктор Уэлливер. – У вас нет официального опекунства над мальчиком.

– Я буду ходатайствовать перед властями штата Вайоминг.

– Насколько я понимаю, вы имели такую возможность полгода назад. И отказались от нее.

– Потому как считала, что эта школа подходит для него.

– Это место действительно подходит ему, Маура, – вмешался Сансоне. – Будет ошибкой забрать его из «Вечерни». И вы об этом пожалеете.

Неужели в его голосе послышалось предостережение? Маура попыталась догадаться по лицу Энтони, но, как и прежде, не сумела.

– Это зависит от Джулиана, вы так не думаете? – проговорила доктор Уэлливер.

– Да, разумеется, – согласилась Маура. – Но я обязательно расскажу ему, что именно думаю обо всем этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

La nonna – бабушка (ит.).

2

Книжные группы – группы людей, собирающиеся чаще всего в библиотеках или книжных магазинах и обсуждающие прочитанные книги. Такой тип общения очень распространен в США. – Здесь и далее примеч. перев.

3

Стэй Пафт – персонаж комиксов и мультсериала «Охотники за привидениями», огромный злодей-морячок, сделанный из зефира.

4

«Бостонские мишки» («Бостон бруинз») – профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге.

5

«Патриоты Новой Англии» («Нью-Ингленд патриотс») – профессиональный футбольный клуб штата Массачусетс.

6

Amanita bisporigera – смертельно ядовитый гриб рода мухомор. Растет преимущественно в смешанных лесах на востоке США, также в Канаде.

Купить: https://tellnovel.com/tess-gerritsen/vyzhit-chtoby-umeret

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити